
Елизавета Соболянская
БАБУШКА ДЛЯ ВЕДЬМЫ

Бабушка для ведьмы

Елизавета Соболянская

Аннотация
Елизавета Соболянская. Бабушка для ведьмы
Герои
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Эпилог

Аннотация

Легко ли быть ведьмой? Никто не скажет вам правды – сколько сил, слез и крови проливают те, кто получил в наследство эту опасную силу. Может, поэтому самые сильные ведьмы скрываются в глухих уголках, заброшенных деревнях и дремучих лесах, чтобы никто не добрался?

А легко ли быть бабушкой ведьмы? Юной, прекрасной ведьмы, очень современной и наглой ведьмы, изгнанной из дома за непослушание? Наступил июнь, и одной опытной ведьме скоро придется узнать об этом!

Елизавета Соболянская
Бабушка для ведьмы

Герои

Валентина Тина, Тинкер-белл — шустрая современная девица, сосланная матерью к бабуле в глушь.

Зинаида Ивановна, Ида — бабушка-ведьма. Жила себе спокойно в глуши, и вдруг прислали внучку на каникулы.

Катерина Константиновна — мать Валентины, обиженная на Иду за то, что не знала своего отца.

Константин — отец Катерины, возлюбленный Зинаиды. Маг.

Андрей — отец Валентины, просто человек.

Пролог

Телефон отчаянно запищал, дергаясь в кармане передника, как припадочный. Зинаида Ивановна неспешно выудила смартфон, приложила палец к сканеру отпечатков и, слегка нахмурясь, нажала зеленый значок «ответить».

— Катя? Что-то случилось?

— Случилось! — молодая красивая женщина билась в истерике. — Вот, посмотри, что твоя внучка творит!

Камера метнулась к светлому полу, потом вознеслась к потолку, описала полукруг по просторной комнате, обставленной элегантной мебелью. Зинаида Ивановна спокойно ждала. Ее дочь пересекла гостиную и вошла с телефоном в другую комнату.

Сизо-синие обои, расписанные черными крышами, летучими мышами и черными кошками. Светильник-луна под потолком. Кушетка, обтянутая черной ворсистой тканью, подушки темных тонов. Тонкая девчонка с черной косой сидит, поджав ноги в синих шароварах. Поверх черного топика накинута полураспахнутая мантия,

расписанная лунами, звездами, мистическими знаками. Рядом дремлет молодая черная кошечка.

На черном столе — черный ноутбук, рядом хрустальный шар на вычурной подставке, пластиковый череп, банки с красками, карты Таро, курильница с сизым дымком…

— Вот, мама, полюбуйся! Тина окончательно сошла с ума со всей этой мистикой!

Девчонка приоткрыла темные глаза и усталым тоном спросила:

— Мама, зачем ты так кричишь?

— Андрей не знает, что делать! И я не знаю!

— Катя, успокойся, — вздохнула Зинаида Ивановна, — не пойму, почему ты нервничаешь! В ее возрасте ты тоже мечтала стать волшебницей!

Катерина поперхнулась и вышла из комнаты дочери:

— Я так больше не могу! Андрей просит сына, но… В общем, мама, встречай внучку на лето. Если ты ее не примешь, я отправлю ее в лагерь для трудных подростков! Больше я этой ерунды в доме не потерплю!

Сказав это, молодая женщина с силой нажала «отбой» и, бросив телефон на диван, ушла в ванную — умыться и привести себя в порядок.

Ее собеседница покачала головой, отхлебнула травяного чаю и подмигнула вальяжному черному коту:

— Слышал, Фимка? Катя отправляет к нам Тинкер-белл. Будет весело!

Кот протяжно зевнул, потянулся, поточил когти о плетеный половичок и, мазнув хозяйку хвостом по ногам, прошествовал на кухню. Новости новостями, а завтрак — по расписанию!

Глава 1

Через три дня после звонка Катерины Зинаиде Ивановне поезд остановился у небольшой платформы.

— Марьино! — зычно крикнула проводница. — Стоянка три минуты!

Девчонка в черных джинсах и черной рубашке поморщилась на ее зычный крик и выпрыгнула на платформу, держа в руках переноску с кошкой, на плече висела сумка с ноутбуком. Развернувшись, девчонка стянула со ступеней небольшой чемодан и застыла на платформе, не зная, куда идти. Вокруг был лес. Голубел облупившейся краской домик с надписью «Марьино», серые перила обрамляли прямоугольник потрескавшегося асфальта, ступени убегали вниз, к узкой лесной тропинке. Ни души.

— Так, Марфа, — девчонка заглянула в переноску, — кажется, нас не ждут! Что будем делать?

Кошка жалобно мяукнула. Ей старый, пропахший вахтовиками вагон совсем не понравился. Да что было делать — в этакую глушь поезда ходили редко.

Валентина выпрямилась и насупленно оглядела платформу. Дело было к вечеру. Придется, видно, идти на станцию, узнавать, где живет бабуля. Вот чего мама так расстроилась? Беременность в голову ударила? Или это будущий братец шалил? Каникулы в такой глуши Тину совсем не вдохновляли.

Вдруг где-то рядом раздался треск мотоцикла, и с пригорка скатился шикарный байк — черный, расписанный языками пламени. Гонщик с ревом спустился к платформе, красиво развернулся, сдернул шлем и похлопал мотоцикл по бензобаку:

— Ша, Горыныч! Мы на месте!

Мотор смолк.

— Тина, это ты? — веселая, совсем не старая женщина с длинными светлыми волосами с интересом посмотрела на девчонку.

— Я! А вы кто?

— А я твоя бабушка! — слегка фыркнув, ответила женщина. — Зови меня Ида!

— Ида?

— По паспорту Зинаида Ивановна, — скучным голосом сказала дама и оглядела переноску и чемоданчик. — Так, грузитесь давайте! — она кивнула на люльку. — Вот шлем. Чемодан в ноги,

кошку на колени. Застегни полог.

Валя с мрачным лицом забралась в люльку. Ей хотелось ехать сзади, представляя себя лесной гонщицей, а тут… как младенца!

Ида чутко уловила недовольство внучки:

— Дорога простой грейдер, на ухабах все себе отобьешь, и ладно, если не взлетишь. В люльке безопаснее. Потом по лесу покатаем тебя, как взрослую.

Тина насупилась еще сильнее, но шлем натянула и в люльке разместилась. Бабуля скупо улыбнулась, застегнула свой шлем, и под рев мотора байк покатил прочь от станции.

Поначалу в глазах Тины мелькала обида, но потом она успокоилась и стала смотреть на дорогу. Лес. Вокруг был только лес. Пахло нагретой хвоей, смолой и травой. Ухабов хватало — пару раз Валентина чуть язык себе не откусила, тогда и поняла, почему бабуля отправила ее в люльку. Даже смелая Марфа жалобно мякала в переноске. Они неслись по проселочной дороге с приличной скоростью, потом по правую сторону замелькали дома, потом по левую, потом снова лес, и вот под тень деревьев они и свернули.

Валентина удивилась. Она думала, что бабушка живет в деревне, но нет. Мотоцикл все катил и

катил, и наконец остановился возле покрытой мхом довольно странной ограды. Внизу она была выложена из дикого камня, причем безо всякого цемента — просто полметра камней размером с голову ребенка. Из этих камней вырастали грубо ошкуренные сосновые стволы, устремляясь в высоту. Девушка подняла голову и сглотнула — самые настоящие колья! Заостренные, потемневшие от времени.

Мотоцикл подкатился в огромным, тяжелым воротам. Тоже каким-то великанским. Как их вообще сделали? Бабушка лихо спрыгнула, зашла в узкую калитку и открыла воротину. Закатила мотоцикл и шикнула на застывшую девчонку:

— Чего сидишь? Выбирайся, пойду тебя с домом знакомить!

Тина неловко выбралась из люльки и осмотрелась. Небольшой двор с навесом для дров, кирпичный гараж, качели в тени раскидистого дерева и вход в дом. Непривычный, необычный, стоящий на массивных деревянных столбах-опорах.

Внизу окна были маленькие, высоко расположенные и очень простые. А наверху — привычного деревенского вида, да еще щедро украшенные резными наличниками и ставнями. Крыша тоже

была странная — из половинок бревен, расколотых вдоль, накрытых толстым слоем мха. Похожие крыши Тина видела однажды в карельской деревне, куда ее занесло на экскурсию.

— Фима! Серафим! — строгим голосом позвала бабушка, и на высокое крыльцо лениво вышел огромный рыжий кот. — Фима, это Тина и ее… как кошку зовут?

— Марфа! — ответила ошеломленная Валентина.

— Марфа, — повторила Ида. — Не обижать! Пожалуются — сметаны лишу!

Кот смерил взглядом тощую девчонку и такую же тощую кошку, фыркнул и одним прыжком очутился на перилах.

Зинаида Ивановна подошла и со вздохом почесала рыжего красавца за ухом:

— Ладно, ладно, пошли гостьям дом покажем.

Внизу, в той самой «темной» части дома, располагались прихожая, кухня и какая-то закрытая комната. Бабушка небрежно махнула рукой и сказала «кладовая», но Тина не очень-то поверила. Тянуло из той комнатки чем-то таким… ведьминским!

На второй этаж вела удобная лестница. Под лестницей прятались закрытые полки. За лест-

ницей был узкий коридорчик, который вел в две спальни:

— Тут моя светелка, тут твоя, — баба Ида приоткрыла одну дверь. — Кошку свою у себя устраивай, а то Фимка ей ни поесть, ни поспать не даст.

Тина немного неловко вошла в комнату, огляделась и вздохнула. Ну да, отсюда вести «ведьминские стримы» не получится.

Стены аккуратно оштукатурены и побелены. Под потолком поверх побелки нарисованы какие-то цветочки и кружочки. Круглая труба печки — обитая черным железом. Кровать порадовала — широкая, с красивой деревянной спинкой, с горкой подушек и фактурным покрывалом. Рядом сундук. Реальный такой сундук с металлическими полосками по бокам. Накрыт ковром! Необычным таким — на черном фоне алые розы. Столик небольшой, на нем зеркало, шкатулка, рядом стул и какая-то штука на подставке. Еще сундучок, корзинка…

Тина давно оставила переноску с Марфой у двери, там же оставила чемодан и первым делом пристроила на столике ноутбук. Та-а-а-ак, а где розетки? Розеток не было ни одной! В панике девочка вынула телефон и поняла, что заряда

почти не осталось, а связь показывала всего одну полоску!

Выскочив в коридор, Тина споткнулась о домотканый половик и, топая кроссовками, ссыпалась вниз по лестнице:

— Ба! То есть Ида! А где в комнате розетка? У меня телефон почти разрядился!

Бабушка в джинсах и футболке с ромашками накрывала на стол. От вопля внучки она подпрыгнула и хмыкнула:

— Розетка есть одна, здесь, на кухне. Можешь заряжать свой телефон, только зарядку постоянно не оставляй, Фимка электричество не любит, заиграет — не найдешь.

— А… ноутбук как же?

— А зачем он тебе? — подняла брови Ида. — Связь здесь еле-еле тянет. Позвонить — так это в деревню надо ехать. А там ведьм не любят.

Тина насупилась, безнадежно взглянула на телефон и все же поставила его на зарядку. Потом спросила:

— А чем я тут целые дни буду заниматься?

— Была бы охота, найдется работа, — хмыкнула Ида. — Садись за стол. Поешь с дороги, и поговорим.

Глава 2

За стол Тина села неохотно, ожидая, что бабуля ее начнет пичкать булками, жирными супами и молочными кашами. Однако бабушка поставила на стол миску с горячей картошкой, салат из свежих овощей, грубый хлеб с семечками и травами, свежее сливочное масло, молоко и… все!

— Ягод сегодня не набрала, за тобой поехала. Захочешь сладенького — в лес сходишь, — сказала она, усаживаясь на крепкий табурет.

Девочка сначала неохотно взялась за вилку и ела только салат. Но картошка так славно парила на тарелке, рядом с куском хлеба с маслом и крупной солью, что она не выдержала — взяла горбушку, вцепилась в нее зубами и радостно зажевала, не забывая прихлебывать холодное молоко. Наелась так, что вставать не хотелось, но бабушка расслабиться не позволила:

— Посуду помой и кошке своей молока отнеси.

— Марфе нельзя молоко, — вздохнула Тина, — понос будет!

— Вот как, а чем ты ее кормишь? — озадачилась бабушка.

— Кормом специальным, я несколько пакетиков взяла… Может, в деревне купить можно будет?

— Да не продает никто в деревне такую ерунду, — развела руками бабуля, — здесь кошки мышей ловят, иногда молока им наливают, и все.

Валентина насупилась.

— Корми чем есть, — вздохнула Ида, — завтра в деревню сходим, попробуем что-нибудь придумать. А теперь давай обсудим, какие тут у нас дела есть.

Девочка сейчас же ощетинилась, как еж, предполагая, что ее запрягут полоть грядки, таскать воду или мыть полы — всем эти ее обожала нагружать бабушка со стороны отца. Римма Петровна была строга и считала, что для девочки и молодой девушки безделье опасно.

— Лето уже началось, травы пошли. Если тебе интересно, пойдем со мной на луга и в лес. Навесы у меня приготовлены, будем травы запасать.

— Зелья варить? — трепыхнулась Тина.

— Зелья по нужде варят или уж осенью, пока же надо для зелий трав набрать да правильно высушить. Сегодня уж не пойдем, отдохнем. Я вот тебе книгу приготовила, почитай там, где

закладочки, чтобы знать, что собирать будем и как готовить.

Валентина покивала и как-то незаметно под разговор перемыла посуду. Бабуля прибрала еду в старенький холодильник, вручила внучке книгу и ушла во двор.

Тина поднялась к себе, задумчиво открыла пакетик кошачьего корма, выложила его в миску для Марфы, подлила ей свежей воды и улеглась на кровать, чтобы посмотреть, что там бабушка отметила.

По привычке девушка разговаривала со своей кошкой:

— Та-а-ак, смотри, Марфа: «лепестки шиповника», собирать лучше в начале июня, хранить можно несколькими способами — сушить, солить и сахарить! Ух ты! Солить?

Разбирая довольно старомодный шрифт, молодая ведьма выяснила, что лепестки засыпают солью для приготовления ароматических смесей. Потом эту соль можно добавлять в ванну или поставить в открытом горшочке в том месте, где «желателен более приятный аромат». Сушить можно было несколькими способами, но более всего рекомендовалось делать это в тени, на легком сквозняке и на сахарной бумаге. Последний

способ — засахарить — применялся в двух вариантах: засыпать сахаром на сутки, потом уварить сироп и процедить его. Либо погрузить лепестки шиповника или розы в уже готовый сироп.

— Как думаешь, Марфа, бабуля варенье варит или сушит? — поинтересовалась Тина и обнаружила кошку рядом. Ее черная красавица с интересом обнюхала книгу, нашла ее невкусной и развалилась на лоскутном покрывале, поигрывая хвостом.

— Та-а-а-ак, дальше у нас зверобой… Выглядит так, собирать в солнечный день, подвялить, сделать… масло?

Ведьмочка увлеклась и читала все подряд, пока внизу не забрякали кастрюльки:

— Тина-а-а! Ужинать! — позвала бабушка.

Ведьма и кошка переглянулись и вместе скатились вниз. Оказывается, солнце уже нырнуло за лес, темные облака растянулись по бледному небу, и в воздухе за окном звенели комары.

Зинаида Ивановна поправила пучки трав, развешанных вокруг окна, и сказала:

— Поедим тут, а чай потом на веранде попьем.

Валентина с непривычной жадностью оглядела стол — то ли свежий воздух тому виной, то ли усиленное изучение книги, но есть хотелось

нестерпимо. На ужин снова была миска со свежим салатом, жареная рыба, холодная картошка, сметана и молоко. На этот раз Тина не привередничала — смела все, что ей положили, а потом попросила разрешения угостить Марфу рыбкой.

— Только корочку с рыбы сними, соленое кошкам нельзя, — сказала бабушка и спокойно захрустела салатом.

Когда ужин закончился, Зинаида Ивановна велела Тине убрать посуду, а сама вынула из буфета широкие низкие чашки, расписанные розами по синему фону, и понесла на веранду. Девочка сунула пустые тарелки в раковину — потом помою! — и помчалась следом.

На веранде было хорошо! Тут тоже всюду висели пучки трав, на узких полках, застеленных бумагой, сохли корешки и соцветия, а в центре стоял круглый стол, накрытый скатертью. На пороге пыхтел самовар, заварочный чайник подмигивал блестящим боком. На доске лежала тонко нарезанная белая булка, а рядом…

— Ба… Ида! Это варенье из лепестков роз?

— Из шиповника, — скрупулезно уточнила ведьма. — Свежее! Завтра на деляну пойдем, там тень, поэтому цветы только раскрылись.

— А зверобой собирать будем? — живо поинте-

ресовалась Тина.

— И зверобой, и душицу, и череду, да и чистотела запасти надо! — бабушка довольно улыбнулась. — Если книгу дочитаешь внимательно, в июле за иван-чаем пойдем!

Валентина предвкушающе потерла руки и, положив в рот буквально капельку розового сиропа, прикрыла глаза, наслаждаясь вкусом. Может, и хорошо, что мама ее сюда на лето отправила? В городе она изображала грозную ведьму для подруг, но все это было лишь декорацией, а тут… всего одна книжка, а она уже знает, что розовый сироп улучшает пищеварение, снимает воспаления и отеки, а еще служит основой для любовных наговоров! То ли еще будет?

Глава 3

Спала Валентина глубоко и сладко, но разбудила ее бабуля рано утром, в серых прохладных сумерках:

— Вставай, Тина! Пора за травами!

В первую секунду девочка хотела покапризничать — очень уж уютно ей спалось здесь, среди деревянных стен, домотканых половиков и пуховых подушек. Но волшебные слова «за травами» сработали как подъемный механизм — Валентина вскочила и потерла лицо, чтобы отогнать сонную одурь.

— Надевай вот юбку, платок, а поверх шляпу с сеткой. Перчатки держи и совок. Пойдем на дальний луг, поспешать надо.

— Юбку? Платок?

— Комары, клещи, пауты, — не споря, перечислила бабушка. — Можешь, конечно, в джинсах идти, но по росе ноги вымочишь.

Содрогнувшись и больше не споря, Валентина оделась, как привыкла — футболка, шорты, кроссовки, а поверх этого всего натянула юбку-колокол, рубашку с длинным рукавом, платок. А

шляпу, перчатки и совок взяла под мышку.

Бабуля поджидала внучку внизу — одетая ровно так же. Джинсовая рубашка, темная юбка до лодыжек, кроссовки, платок, шляпа. В руки внучки старая ведьма сунула огромную корзину:

— Сюда будем травы складывать. Начнем с простого — земляничный лист, душица, зверобой. Если попадется чистотел — тоже бери, будем делать настойку для выведения бородавок.

Тина передернулась, но промолчала. В корзине лежали тряпки и какие-то обрывки веревок.

— А это все для чего? — не удержала любопытства девочка.

— Травы после сбора не должны с другими травами контактировать. Чистотел, например, соком душицу вымажет — и все, душицу только в печь. Зверобой сильная трава, да тоже не всем подходит. А земляничный лист для чая брать будем, к нему опасные травки вовсе приставать не должны.

Выслушав бабулю, Валентина зевнула, кивнула и заспешила за Идой через заднюю калитку на луг.

Дом старой ведьмы, оказывается, стоял на пригорке, поэтому идти поначалу было легко — вниз, почти вприпрыжку, среди тяжелых от

росы стеблей и трав.

Потом они вышли на луг, и вот тут началась работа. Травки следовало аккуратно срезать, а не выдергивать с корнем. Брать можно было не все подряд, а только нужную часть растения. Да еще следить, чтобы не ухватить слишком молодой или слишком старый побег.

— В молодых силы еще мало, — приговаривала Ида, ловко орудуя огромными овечьими ножницами. — А старые ветки на семена оставлять надо. Раньше до Петрова дня и покос не косили — давали травам время хоть раз семена сбросить.

— Петров день? А это когда? — полюбопытствовала девочка, сдувая с лица выбившуюся прядь.

— Двенадцатое июля, не скоро еще, — ответила бабуля, продолжая щелкать ножницами.

Иногда она поправляла Тину, иногда указывала на куртинку нужной травы или на кустик с душистыми листочками.

Между тем солнце встало, и моментально стало жарко. Загудели насекомые, пот потек по лицу, и плотная одежда внезапно показалась мучительным коконом, не дающим вздохнуть. Тина резким движением спрятала выбившиеся пряди под платок и сжала губы, не желая ныть и хныкать.

Бабуля же взглянула на солнце, улыбнулась и сказала:

— Ну, немножко подсобрали, давай-ка передохнем! Иди сюда!

На краю луга, в тени берез обнаружилось упавшее дерево — еще вполне крепкое, чтобы послужить скамьей. Корзинки поставили в самую густую тень, чтобы травы не завяли раньше времени, сели, и тут Тина охнула — оказывается, бабушка все это время носила не только корзину в руках, но и рюкзачок на спине! А в рюкзачке нашлась банка холодного молока, краюха домашнего хлеба, сало, зеленый лук и белый домашний сыр! Ох, как же вкусно было все это есть, любуясь лугом, лесом и виднеющимися вдалеке крышами деревенских домов.

После перекуса бабушка плеснула холодной воды из фляжки на два белых платочка и велела Тине обтереть лицо от пота, а потом повесить эту тряпочку на шею:

— Не так жарко будет! Если устала — иди домой. Сейчас уж время шиповник собирать.

Девочка сделала все, как сказала бабушка, и, упрямо мотнув головой, полезла в колючие кусты. Она не видела, как одобрительно усмехнулась Ида и как мелькнул поблизости рыжий

хвост бабулиного кота.

Шиповник они закончили собирать к полудню.

— Теперь домой, — скомандовала Ида, — будем зелья готовить!

Тина тотчас приободрилась. Конечно, жара, насекомые и нудная работа не очень-то радовали, но это все равно было интереснее, чем болтать с девчонками в сети и листать список литературы на лето.

— Самое нежное нужно обрабатывать в первую очередь, — напевно говорила бабушка, высыпая лепестки на застеленный тонкой бумагой берестяной поднос. — Набрали мы изрядно, погода стоит хорошая, значит, лучше посушить!

— А если дождь? — сунула свой любопытный нос Тина.

— Тогда можно засахарить, засолить или маслом залить, — ответила ведьма. — Но шиповник и в чай хорошо идет, в зелья любовные и прочее. Так что в сухом виде его много надо!

Берестяной поднос отправился на «полочку» под навес, под которым две ведьмы разбирали травы.

— Зверобой подвял слегка, пусть до вечера полежит в тени, мы его маслом зальем, будет

мазь от кожных высыпаний или зелье для язвенников… Душицу подвялить нужно, потом ферментировать на «женский чай», очень женская трава, как и череда…

Руки бабушки в простых нитяных перчатках ловко перебирали травы — раскладывали на бумаге, вязали пучки, обрывали пожелтевшие листики и скукоженные соцветия. Тина старалась помогать — застилала подносы свежей бумагой, выравнивала сырье, носила туда-сюда то, что бабуля успела разложить на сушку раньше.

Управились они, когда жара начала давить.

— Вот теперь пойдем умоемся, наденем полегче чего и поспим часик-другой. Вечером мно-о-ого дел будет.

Валентина с огромным облегчением потопала за бабушкой к летнему душу. Пропотевшую одежду они спокойно закинули в машинку, облились нагревшейся на солнце водой и, зевая, разошлись по комнатам. Тина, может, и не хотела спать, но прохладная светелка и широкая кровать одолели ее за пять минут.

Глава 4

Проснулась она от того, что внизу побрякивала посуда. Забыв, что после душа натянула только огромную футболку и короткие шорты, девочка, зевая, спустилась вниз и с изумлением уставилась на какое-то странное существо, похожее на замшелую кочку. Эта «кочка» уютно сидела на широком табурете, пила что-то из кружки и бубнила себе под нос.

Бабушка крутилась между разделочным столом и обеденным, подкладывая «существу» пышные ватрушки с творогом. Тина сглотнула — запах на кухне стоял божественный.

— Ба, когда ты их налепить успела? — изумилась она, увидев, как Ида вытаскивает из небольшой электрической духовки новый лист с выпечкой.

— А, да пользуюсь современными возможностями, — хмыкнула в ответ Ида, распахивая дверцу шкафа. Оказалось — это совсем не шкаф, а морозилка. Внутри лежали пакеты с чем-то и стояли листики с уже налепленными ватрушками, плюшками и пирогами.

— В дождь запасы делаю, чтобы в хороший день время не терять. Садись, перекуси, и пойдем травами заниматься.

Тина покосилась на булькающее чудо и, обойдя его по большой дуге, села с другой стороны.

— Ба, а это кто?

— Да болотник местный заглянул, — улыбнулась Ида, — немножко помочь ему надо, и трав заодно пособираем. Ты ешь, пока теплые!

Горячие ватрушки с холодным молоком — это, несомненно, деревенское волшебство. Одолев прекрасную пышную плюшку, Валентина встала, вымыла свою кружку, показывая всем своим видом, что готова идти работать. Бабуля же залезла в настоящий шкаф и вынула оттуда несколько широкогорлых бутылей с плотными стеклянными пробками и жестянку с нарисованными оливками:

— Пойдем зверобойное масло готовить. А ты, — Ида указала на болотника, — иди к себе. Завтра придем!

«Кочка» шустро вымелась из дома, оставляя за собой влажный след на табурете и на полу. Бабуля покачала головой, но затирать след сразу не стала. Тина видела в углу швабру и хотела было помочь, но старая ведьма ее остановила:

— Вслед гостю пол не метут. Да и грязь будет проще убрать, когда подсохнет. Идем, травы ждать не будут!

Прикрыв дверь ажурной тюлевой занавеской — от мух, Ида повела Тину на веранду. Здесь у нее был уже припасен подвяленный зверобой. Его бабушка и велела внучке мелко крошить в бутыли, набивая поплотнее, а после маслом залить — но не доверху.

Пока Валентина щелкала ножницами, бабуля перебирала другие заготовки — изрядное количество иван-чая, молоденькие веточки мяты, мелиссы и еще какой-то травы со знакомым запахом.

— Пустырник это, — ответила ведьма на незаданный вопрос, — запасаю изрядно, зимой нервных дамочек отпаивать.

Валентина помялась, но задала вопрос:

— Каких дамочек?

— Да таких, как мать твоя, — тяжело вздохнула Ида.

Девочка вскинулась, как молодая кобылка, тряхнув челкой.

— Да не кидайся, — отмахнулась бабуля, — все у твоей матери хорошо, а она подвоха ждет да обиды копит. А кто ждет — тот получает.

Тина повесила нос — она и сама замечала, что дома периодически происходит то, чего маменька ожидает.

— А почему мама обижается? — вдруг спросила она. — Вот папину маму я давно знаю, еще с детского сада, наверное. А про тебя узнала, только когда ты сама звонить начала.

Ида помяла жесткие стебли пустырника и бросила на внучку оценивающий взгляд — поймет или нет? Можно ли ей доверить семейную тайну? Потом вздохнула, отряхнула руки, присела на табурет рядом со внучкой и сказала:

— Мама твоя на меня обижается, потому что я ей не говорю, кто ее отец!

Валентина закашлялась от неожиданности. Вот уж такого она точно не ожидала!

— Мама не знает, кто мой дед? — перевела она на более понятный для себя язык.

— Не знает, — бабушка вдруг грустно улыбнулась, и лицо ее стало таким светлым, что Тина засмотрелась. — Мама твоя в непростое время родилась. В школу пошла — в стране переворот. Нечисть заморская повылазила, своих проверенных чудиков с толку посбивали. Деревенька наша опустела. Парни в город подались, да сгинули. Девчонки вернулись некоторые, но кто с дитем

на руках, кто болен смертельно. Трудное было время. Деда твоего искали, многим он костью в горле стоял. Кто-то тайны хотел вызнать, кому-то просто он мешал… Вот и скрылся. Катенька маленькая была, когда Косте уехать пришлось. А тем, кто к нам каждую неделю приезжал да дом переворачивал, я сказала, что выгнала его. Гулял, мол, да денег не давал. Люди тогда от злобы и жадности совсем человеческий облик потеряли, поверили. И мама твоя поверила, — бабуля тяжело вздохнула, отряхнула руки. В таком состоянии за травы нельзя было браться.

— Значит, мой дед жив? — сделала вывод Тина, продолжая мелко крошить зверобой.

— Скорее всего, жив, — призналась бабушка, — но даже я не знаю, где он сейчас.

— Но почему? — изумилась девочка. — Сейчас-то все хорошо! Или он не знает, где ты живешь?

— Может, и не знает, — пожала плечами ведьма, — последний раз мы с ним виделись, когда твоей маме четыре года было… Я тогда в город уехала, устроилась нянечкой в детский сад. Там бы точно никто искать не стал!

Тина почему-то поежилась от бабулиных слов и опустила голову на подвяленные желтые цветы. Иногда лучше не знать того, что было в

прошлом…

Впрочем, скоро печальное настроение развеялось — склянки с маслом встали на подоконник «созревать», и бабушка позвала Тину в сад — собирать те травы, которые росли рядом с домом.

Глава 5

Назвать то, что пряталось за тыном, «огородом» — у Валентины не поворачивался язык. Очень уж необычное это было место. Раскидистые невысокие яблони, пышные кусты смородины, заросли крапивы за плетеным заборчиком. А еще тут были грядки — высокие, сколоченные из толстых досок. В этих грядках была насыпана такая странная земля, что Тина подошла потрогать — не поверила глазам. В одной — сплошные сосновые иголки. В другой — какие-то коричневые пластинки, в третьей вообще песок и камни! А какие тут растения росли! Не банальные лук и морковь, а травы, заботливо окруженные лунками, прикрытые плетенками или обложенные камушками — кому что было нужно для роста.

— Овощи я подальше сажу, — махнула рукой бабушка, — немного совсем. Деревенские знают, что я не огородничаю, поэтому часто со мной картошкой или огурцами рассчитываются. А вот травки некоторые у нас просто так не растут, а для настоек и мазей потребны. Или мало растут… В общем, ступай к той грядке, бери ножницы и

аккуратно срезай все под корень.

— Под корень? — изумилась Тина.

— Под корень. Отрастет все.

Девушка перешла к указанной грядке и принялась срезать зеленые плотные стебли с приятным запахом.

— Ба, то есть Ида, а что это за трава?

— Мелисса, я ее в успокоительные чаи добавляю и в масло для младенцев вместе с чередой…

— Масло для младенцев? — Тина хлопнула ресницами. — А зачем им масло?

— Кожа у малышей нежная, склонная к опрелостям, — пояснила бабуля, ловко выщипывая сорняки с очередной грядки, — можно присыпкой припудрить, можно маслицем смазать.

— Так детское масло можно в магазине купить! — все еще немного возмущенно заявила внучка.

Зинаида Ивановна прищурилась:

— Ватрушку тоже можно в магазине купить! Холодную, сухую, замотанную в пленку.

Тина аж плечами передернула, представив себе измученный кусок теста.

— Такую ватрушку даже съесть можно! Если голоден и есть больше нечего. Но это не значит, что эту ватрушку хочется есть каждый день.

— Ну… можно самому испечь…

— А многие ли умеют ватрушки печь? — прищурилась Ида.

— В пекарне можно купить! Там горячие и вкусные!

— Вот я и есть такая «пекарня», — хмыкнула бабуля. — Если малыш здоров и крепок, он и покупное масло хорошо перенесет, без вреда. А если ослаблен или болячек успел нацеплять? Тогда ему лучше изготовить что-то помягче, понежнее и целебное…

— А взрослым такое масло можно? — Тина вдруг припомнила пару неприятных пятен на коже у локтей.

— Детское масло слабенькое, для взрослых болячек другие травы применяются. Если интересно — расскажу или книгу дам почитать.

— Интересно, — закивала девушка, утирая со лба пот.

Они работали в саду и под навесом до заката. Когда зазвенели комары, бабушка велела идти в дом, а сама быстро распустила длинные полосы тюля, закрывая вход в дом и окна веранды.

— На свет полетят… Пусть уж живут! — пробурчала ведьма, зажигая пучок трав и окуривая ими веранду и немного кухню. Потом Ида поло-

жила пучок на керамическое блюдце и занялась ужином, а Тина взялась ей помогать. После целого дня на свежем воздухе аппетит у девушки проснулся зверский.

Не успели они дорезать салат, откинуть на блюдо дымящуюся картошку и налить из крынки холодного молока, как над окном брякнул колокольчик.

— Кого это несет на ночь глядя? — удивилась бабушка и сказала: — Дорежь салат, Тина, я схожу калитку открою.

Вернулась Зинаида Ивановна не одна. За ней шла немолодая женщина в белом платке и цветастом платье. В руках женщина несла корзину со свежей зеленью, парниковыми огурчиками и клубникой.

— Вот, Ивановна, не побрезгуй, — она поставила свою ношу на столик у двери и села на стоящий рядом табурет. — Не могу больше, — вздохнула она, — сил нет, с ног падаю!

— Клавдия, я тебе еще когда говорила, — строгим голосом сказала ей бабушка, и Тина почти замерла над разделочной доской — такого строгого тона она у бабушки не слышала. — Я тебе говорила, что в город надо ехать? К врачу? Не взять твою болячку травками! Резать надо!

— Так страшно, Ивановна! Страшно! И денег нет! Сама знаешь, Лидка моя уже третьего подкинула!

— Клава, — укоризненно сказала ей ведьма, — сама подкинула, или ты сказала: «Привози»?

Женщина потупилась.

— Сама внуков просишь, и сама потом стонешь. Еще раз тебе говорю: надо ехать в город, к хирургу! Опоздаешь, четвертого Лидкиного пацана не увидишь! Вот прямо сейчас доставай телефон и звони ей!

— Как — четвертого? — вскинулась женщина, но под строгим взором ведьмы вынула из кармана телефон и нажала несколько кнопок: — Алло! Лидочка! Это мама! Баба Зина хочет с тобой поговорить!

Забрав телефон из дрожащих пальцев соседки, бабушка Тины все тем же строгим голосом сказала:

— Лидия? Добрый вечер! Срочно приезжай, забирай мальчишек и вези мать в больницу. Добегалась она. Если в ближайшее время операцию не сделать, четвертого внука не дождется!

Из динамика послышались звуки изумления, потом женский голос с легкой укоризной произнес:

— Баба Зина, я еще и сама не уверена была!

— Ну, вот теперь уверена, так что не тяни! Забирай мать и вези в больницу!

Отдав еще несколько распоряжений, бабушка сказала Клавдии:

— Одну не отпущу. Пойдем-ка, провожу, заодно лекарства занесу, кому требуется!

Тина тут же подскочила:

— Ба, я с тобой!

— Да ты бы ужинала, — бабуля кивнула на накрытый почти стол.

— Нет уж, я хочу на деревню посмотреть!

— Ладно, пошли, только косынку надень — комары заедят!

Тина птичкой порхнула к себе наверх и, погладив по дороге свою кошку, нацепила на волосы стильную черно-белую бандану, предварительно пшикнув на нее репеллентом — травки травками, а про технологии забывать не стоит!

Идти пришлось по узкой тропинке. Пока Тина бегала за банданой, бабушка выложила все «гостинцы» из корзинки и набила ее баночками, коробочками и бумажными свертками. Клавдия шла расстроенная, но бабуля ее отвлекала тем, что скоро она увидит дочь и зятя, в город съездит, полюбуется, как ее кровиночка живет. А уж по-

терпеть немного в больнице — не страшно.

Под конец пути женщина подуспокоилась и свернула к своему дому, а баба Ида пообещала ей занести корзинку на обратном пути.

Пока женщины общались, Тина с интересом смотрела вокруг. Фонарей в деревне было мало — светились либо окна, либо большие фонари, подвешенные хозяевами во дворах. Широкая центральная улица не была даже заасфальтирована — только посыпана крупным щебнем. Вдоль нее по обочинам ходили группки девчонок и парней, на лавочках у ворот сидели бабульки в платках и темных юбках, а редкие парочки прятались в тени раскидистых кустов сирени.

Такое Валентина прежде только в кино видела!

Закончив разговор, бабушка повела внучку в ближайший дом. В огороде там полоскались на ночном ветерке пеленки, во дворе стояла под навесом коляска. Внутри плакал младенец. Зинаида Ивановна коротко стукнула в дверь, вошла и заворковала:

— Кто это у нас такой голосистый? Кто маме спать не дает? Сейчас-сейчас я руки помою и посмотрю…

Тине бабушка указала на табурет у входа, а сама

быстро вымыла руки и забрала с рук усталой молодой женщины младенца в голубеньком боди.

— Линочка, стол застели и свет включи поярче, — ласково попросила ведьма молодую мамашу.

Та метнулась в соседнюю комнату, принесла тонкое одеяльце, пеленку, протерла и так чистый стол и щелкнула выключателем.

— Та-а-а-ак, что тут у нас…

Тина во все глаза наблюдала, как бабуля ловко вынула младенца из одежки, расстегнула подгузник, поцокала языком и сказала встревоженной матери:

— Не волнуйся, Линочка, все хорошо, вставай вот рядом и смотри, что делать надо!

А потом бабуля принялась малыша крутить на столе, прижимать ему колени к груди, разводить и сводить ножки, поглаживать, мять, катать… И все это с помощью флакончика масла, вынутого из корзинки.

Поначалу ребенок орал, захлебываясь до красного лица и судорожно стиснутых кулачков, а потом… уснул.

— Поняла? Вижу, что не очень. Сейчас его просто пеленкой накрой и в кроватку отнеси. И сама спать ложись. Масло я оставлю. Массаж делать

каждый день надо, два-три раза. Если не запомнила, я еще зайду…

— Ба! — вмешалась Тина. — Я все на камеру сняла, могу визуал сбросить!

Ида перевела взгляд на мамашу, та кивнула и продиктовала номер телефона. Довольная собой Валентина скинула видео через соцсеть, а бабушка одобрительно покивала и напомнила, что мамашам молодым тоже спать надо! Немедленно!

Потом они зашли в просторный дом к шустрому старичку с палочкой. Ему бабуля оставила мазь для коленей. В другом доме мужику лет сорока вручила мазь для спины и настойку от дурноты.

— Не ешь с мужиками сало, Тимофей! — ругала его ведьма, ощупывая живот. — И самогон не пей! Ни граммулечки! А то в город придется ехать, в больнице лежать! И работать ты долго не сможешь!

Тимофей покраснел, начал отнекиваться, но баба Ида строго погрозила ему пальцем и вышла, велев жене мужика неделю кормить того овсяным киселем, теплыми кашками и супчиками.

— И ничего жареного! Никаких пирогов, Светка! Загонишь мужика на кладбище своей стряпней!

Востроносенькая женщина в светлом платье с

веточками жалобно всхлипывала и клялась, что «больше ни-ни»!

Бабушка только рукой махнула. А когда вышли из дома, сказала Тине:

— Язва у него. В городе в больнице лежал, еле спасли. И вся ж деревня знает, что ему нельзя пить и жирное, и все норовят или подпоить, или салом накормить! Тьфу!

Глава 6

Бабушка явно расстроилась, так что Валентина шла рядом молча. И только когда они повесили пустую корзинку на забор дома Клавдии и пошли уже к своему дому, девочка осмелилась спросить:

— Ба, а ты откуда знаешь, как лечить?

Баба Ида хмыкнула и призналась:

— Я же, внучка, медицинскую академию заканчивала. Военную. Дед твой тоже военным медиком был. Только он хирург, а я гинеколог.

— Военный гинеколог? — прыснула Тина. В ее голове эти две специальности никак не складывались.

— В армии женщины тоже служат. А еще госпитали гарнизонные принимают жен и членов семьи офицеров, в том числе и на роды, — улыбнулась в ответ бабуля. — Так что мы с твоим дедом успели по стране поездить. Потом уже, как минимальный срок выслужили, решили тут осесть, думали дом завести, детей родить… Только твою мать и успели. А потом…

Бабушка махнула рукой, отгоняя грустные вос-

поминания.

Домой они вернулись, когда совсем стемнело, картошка на блюде остыла, но выглядела все еще аппетитно. Усевшись за стол, бабушка и внучка отдали должное и салату, и холодному молоку, и куриным ножкам, которые бабуля жестом фокусника извлекла из стоящей в шкафчике мультиварки.

Наевшись от души, Тина поплелась наверх, прихватив порцию очищенной от косточек и шкурки курятины для Марфы.

Кошка встретила хозяйку вполне дружелюбно — днем Тина ее выгуливала в огороде и наливала свежей воды, а вечером принесла на пробу курятину — пакетиков в запасе оставалось совсем мало. Марфа покрутилась у миски, потрогала угощение лапой и принялась есть.

Скрывая облегчение, Тина подошла к окну, распахнула створки, выглянула в сад, порадовалась ровно выстриженной грядке, перевела взгляд ниже и вздрогнула, натолкнувшись на светящийся взгляд. Оказывается, бабулин кот забрался на крышу веранды и, принюхиваясь, заглядывал в окно. Кошачьей драки Валентина не желала, поэтому поспешила окно закрыть, оставив приоткрытой только затянутую сеткой форточку.

Переоделась в пижаму, прилегла на кровать, собираясь почитать или сделать несколько атмосферных фотографий, а проснулась утром от знакомого стука посуды внизу.

Несколько дней все постепенно входило в колею — ранний подъем, легкий завтрак, прогулка с бабулей в лес или на луг, сбор трав, ягод, грибов, шишек и кореньев. К обеду возвращались, умывались, разбирали травы и отдыхали несколько часов, пережидая жару. Бабуля спала, Тина играла с Марфой, писала смс подругам, делала фотографии или читала книги из «ведьминской» библиотеки.

Потом, когда становилось прохладнее, выходили в сад. Там всегда находилась работа по сбору-обрезке-прополке, и даже поливать кое-что приходилось.

Вечером, когда начинали злобно звенеть комары, ведьмы усаживались на веранде, прячась от насекомых за москитными сетками, и принимались готовить снадобья. Мазей много не готовили — те не так уж долго хранились, а вот настойки, сухие сборы, лечебные сладости — этим запасались на всю грядущую зиму.

Бабушка учила Валентину всяким премудростям обращения с детьми. Девочка удивлялась:

— Ба, а мне не рано?

Но Ида встряхивала седой головой и отвечала:

— Не рано. Дети куда нежнее взрослых. Потренируешься, и самой пригодится.

— Да я замуж не собираюсь! — сконфузилась Тина. — Мне учиться надо!

— Так это тоже учеба. Ты уже о будущей профессии думала?

Валентина тяжело вздохнула:

— Не знаю я, что выбрать! Мне многие предметы нравятся: литература, химия, биология, история… У нас в школе учителя хорошие, понятно объясняют. Мама говорит, время подумать еще есть. Она тоже долго выбирала.

— Это так, — задумчиво кивала бабушка и подсовывала внучке рецепт мази с чередой для младенческих попок.

Однако примерно через неделю такой тихой спокойной жизни за оградой раздался вой. Бабуля встрепенулась, выхватила из шкафчика сумку-чемоданчик с красным крестом, повязала голову платком, натянула пеструю «энцефалитку» и наказала Тине сидеть дома и за ворота не ходить.

— Травник читай, завтра будем в саду травы собирать, — сказала она торопливо и вышла.

Вале стало страшно. За окном уже стемнело,

и этот вой… Неужели волки? Почему они явно позвали бабушку? И ведь Ида поняла — оделась, как в лес, и сумку медицинскую прихватила! Ну куда она ушла?

Тина чуть не подпрыгнула, когда ее босой ноги коснулся мягкий бок кота.

— Серафи-и-им! — девочка сгребла увесистого рыжего поедателя сметаны и спряталась от страха в его шерсти.

Кот терпеливо переминался на ее коленях и урчал, и постепенно Валентине стало легче. Она вспомнила про ужин и про Марфу, скучающую наверху. Ой, она же с Фимкой обнималась! Как бы ее кошечка не взревновала!

Тщательно отмыв руки, Тина вынула из холодильника кусочек отварной печени. Фимке бабушка давала сырую, но деревенский кот к такой еде привык, а городская балованная киска от сырой печени может получить неприятности с желудком. Марфа встретила хозяйку радостно — быстро съела угощение и забралась на кровать, намекая на то, что в постели читать удобнее, особенно тогда, когда на тебе лежит любимая кошечка, позволяющая чесать себя за ушком.

Так, в обнимку с кошкой и книгой, Тина и уснула, а проснулась, услышав стук калитки внизу.

Вскочив, девочка вихрем слетела вниз и встретила уставшую бабушку уже в дверях кухни.

— Все хорошо, Тина, не волнуйся! Справились! — Ида подошла к умывальнику и принялась отмывать заляпанные подсохшей кровью руки.

— Ба, что случилось? — вытаращила глаза внучка.

— Да волки за помощью пришли…

— Волки?

— У нас тут леса добрые, дичь водится, вот и волки есть. Обычно суки рано щенятся — в мае, а тут молодая совсем попалась. И огулялась поздно, и щенков много сразу, и, видно, боялась сильно. Переносила. Сама разродиться не могла, вот и пришел за мной вожак.

— Вожак пришел? — у Тины в голове не укладывалось, что волк мог прийти за человеком.

— Волки умные, — слабо улыбнулась бабушка, стягивая пропахшую псиной «энцефалитку». — Поставь-ка чайник, я сейчас в баню схожу, травок выпью и посплю. Ты уж сегодня сама ягоду обери, вечером будем леваш делать!

Зинаида Ивановна ушла, а Тина машинально поставила чайник, вынула из холодильника хлеб, масло, салатные листья, куриную грудку и сделала бабуле полезный бутерброд. Потом

подумала и поставила варить яйца — самой есть тоже хотелось, а курицы после кормления Марфы осталось мало.

Бабушка вернулась не скоро — видно, мылась как следует. Тина успела и яйца сварить-остудить-почистить, и салат накрошить из свежих огурчиков и зелени.

— Ох, как славно! — бабуля отпила чай из большой кружки и откусила бутерброд.

Тина притихла мышкой — пила чай, ела салат, ждала, пока бабуля насытится и расскажет, что же такого интересного было в лесу.

— Ох, настоящая ты ведьма, — подмигнула ей бабуля, поймав нетерпеливое выражение лица внучки, — накормила, напоила… Ну, спрашивай!

— Ба, а что там, в лесу, было?

— Да что, нехорошо там было. Вожак потому за мной и пришел. Самка умирала уже, крови много потеряла, и щенок застрял. Пришлось мне ей живот резать, доставать… Аж восемь штук родилось! Серый вожак старый, умный, стаю не подпускал, даже когда кровью запахло, так что я работала спокойно. Капельницу поставила, физраствора в плошку налила — напоила, а то давно эта молодка там лежала. Попробую завтра в лес сходить, узнать, как они там.

— А… много тут волков? — осторожно спросила Тина.

— Да пока не особенно, — пожала плечами бабуля, — в стае шесть пар, сколько ощенились, я не знаю. За поголовьем лесники следят, если волки в деревню полезут или скот резать начнут — охоту устроят.

Юная ведьма притихла. Бабушка ушла отдыхать, а она все же вышла в сад — собирать жимолость. Тяжелые сизые ягоды исправно падали в ведерко, а в голове Валентины крутились новые мысли: выходит, ведьма — это совсем не хрустальный шар, мистический облик и карты таро? Выходит, ведьма — это лекарь?

Глава 7

Жимолость пришлось крутить на ручной мясорубке, добавляя сахарную пудру, потом немного уваривать массу до густоты, добавлять в нее пряности и травы — строго по рецепту! А потом намазывать на бумагу для выпечки и сушить на специальной полке над печью. Бабуля к вечеру специально ее слегка подтопила — в доме стало лишь чуть суше, а леваш быстро стал тягучим, а потом помутнел и подсох.

Провозились с ягодами до ночи, поэтому утром бабуля Тину не будила — дала выспаться до самого яркого солнышка. А после завтрака отправила собирать клубнику, да заодно и «усы» дергать. Телефон был заряжен, так что девочка включила любимую музыку, воткнула в уши наушники и погрузилась в работу, одновременно поджаривая на утреннем солнышке худые лопатки. В городе она сидела на диете, не желая набирать лишний вес. Мама сопротивлялась, уверяла, что Валентина себе навредит, но что они знают, эти взрослые? Впрочем, вот бабушка знает. Она Тину есть не уговаривает — сама готовит еду простую,

вкусную и полезную, а если угощает сладостями, то это тоже полезные сладости — например, творог с ягодами и медом. Или сметана с курагой. Или пирог из тонкого-тонкого теста с начинкой из ревеня и яблок.

Тина сглотнула. Солнце уже высоко — можно занести ягоды в дом и пообедать.

Пританцовывая, девочка прошла по дорожке к дому и тихонько вошла на кухню. Вошла и застыла. За столом сидел мужчина! Худой-худой! Седой! С прозрачными серыми глазами. Ровно такими же, как у самой Тины!

Бабушка стояла, прислонясь к печи, и на ее лице было такое выражение… Как у мамы, когда Тина получила двойку за контрольную по математике!

— Ба, — делая вид, что ничего не понимает, Тина грохнула ведерко с ягодами на стол, — я собрала все, что было на грядке. Обедать будем?

Ида словно ожила — задвигалась, закивала, задышала:

— Сейчас, Тина, все готово уже. Ты пока ягоды поставь в холодок, поедим и займемся. Если хочешь в творог добавить или так поесть — отсыпь в чашку. Клубника не первая уже, можно варенье варить.

Девочка деловито подошла к шкафчику с посудой, поглядывая на мужчину. Взяла чашку, отсыпала ягоды и, склоняясь над ведерком, заметила ветвистый шрам на внешней стороне кисти мужчины. Мама иногда рассказывала ей про родню, в том числе про деда. Вот такой извилистый шрам был у него на руке. «След молнии» говорила Катерина.

— Дед, а ты с нами обедать будешь? — прямо спросила Тина, и седой мужчина неожиданно закашлялся. А за ним и баба Ида.

— Поем, — кивнул он, разглядывая девочку уже не таясь, — с утра только чай пил.

Ида молча поставила на стол три тарелки.

Еда была привычной — салат из огурцов и огородной зелени, вареная картошка, яйца, отварная курица — все свежеприготовленное или сорванное в саду. К вечеру, когда сваренное с утра остывало, бабушка нарезала все в кастрюльку, добавляла побольше укропа, вынимала из холодильника квас — и они ели окрошку.

Дед ел степенно, с уважением к пище, хотя выглядел слишком молодо для маминого отца. Впрочем, и баба Ида не смотрелась старушкой — морщин почти не было, только «гусиные лапки» от улыбки и резкая линия рта выдавали ее

возраст.

После еды Тина не спешила выходить из-за стола — уставилась с любопытством на деда и спросила:

— Ты к маме поедешь? Она очень по тебе скучала!

Дед вздрогнул, а Ида посмотрела на него с укоризной.

— Съезжу, пожалуй, но попозже, — решил седой, пристально глядя на бабу Иду.

Вот теперь Тина снова взялась за наушники и ушла в сад со словами:

— Ба, я еще мяты нарежу, та уже высохла!

Едва за внучкой закрылась дверь, как Зинаида взметнулась со стула и крепко схватила мужа за голову:

— Хрен ты старый! Где ты был столько времени? — спросила она и заплакала.

* * *

Тина не зря взялась мяту собирать, грядка тянулась как раз под окнами кухни — отгонять дурные запахи и любопытных насекомых. А окно по случаю жары было приоткрыто, так что негромкую беседу деда и бабушки внучка слушала и ужасалась. Дед, оказывается, не просто так пропал — действительно скрывался от бан-

дитов, желающих заполучить хорошего хирурга для проведения незаконных операций. Причем интересовали их не только ножевые ранения да огнестрелы. Хотели те люди, чтобы Константин Смертин менял им внешность. Кроил новые лица, стирал шрамы, давал самым мерзким и жестоким злодеям дорогу в новую жизнь. Вот и сбежал дед. Поначалу не знал, куда пристроиться — хотел денег заработать жене и дочке и пошел в ветеринарную клинику. Там быстро оценили его золотые руки, но и там бандиты нашли — другие, но все же. Нашли потому, что попытался он прикрыть собачьи бои — жестокие до изумления, после которых ему чаще привозили трупы на утилизацию, чем раненых на лечение. Пришлось «песьему доктору» снова бежать.

— Я тогда вам понемногу деньги начал высылать, — смущенно хекая, рассказывал дед, — но время тяжелое было, Катенька росла… В общем, я в госпиталь завербовался, в Чечне.

Баба Ида тихонько вскрикнула и схватилась за лицо руками.

— А там так получилось…

В общем, дед опять отличился. Спасал раненых солдатиков сначала в госпитале на границе «линии отчуждения», потом начал ходить с группой

штурмовиков или разведки в глубокий тыл.

— Там, Идочка, тоже люди жили. Кого осколком зацепило, кто рожать собрался, а кому аппендицит мешать стал. Ходил, пока контузией не накрыло. Память я потерял. Ребята меня вытащили, но… там у всех тайны были. А во мне их целый короб сидел, да и не только моих. Спрятали меня в больнице одной в глухой деревеньке на севере. Работал, жил потихоньку. Лечил. Потом память стала возвращаться, да не вся, кусками. Поначалу и знать не знал, кто я и откуда, потом что-то припоминать стал. А как вспомнил… Стыдно стало. Да и нашел вас не сразу.

Баба Ида давно разлила по кружкам мятный чай с медом и тихонько пила его, успокаивая расшалившиеся нервы.

— И все эти годы один жил? — недоверчиво спросила она.

— Не поверишь, но… один. Почти. Мальчонку одного подобрал и вырастил. Он уже в мединституте учится. А с женщинами не сложилось. Тебя не помнил, а вот голос твой из памяти не уходил.

Зинаида покачала головой и выпила еще пару глотков успокоительного чая. Много лет ее держала на плаву надежда, что ее Костенька все же жив. Но время текло, сглаживало углы и шрамы,

и постепенно она привыкла к своей одинокой жизни.

Дочь уехала и жила своей жизнью, не желая пользоваться даром, который перешел ей от родителей. Однако одаренность Тины Катя заметила — и разозлилась. Ее искра едва тлела, а вот внучка внутри горела сильным ровным огнем и тем раздражала мать.

Ида обрадовалась, когда дочь прислала к ней внучку на лето — впервые за долгое время. Дар ведь как костер — ему нужно подбрасывать топливо. Тина бунтовала не только от подростковой дури, но и потому, что не знала, куда и как бунтующие внутри силы приложить. Здесь, в деревне, у леса, волны улеглись, и Тина из встрепанного вороненка постепенно стала превращаться в юную девушку. Пока, конечно, очень юную, но пройдет несколько лет, и появится в ней та изюминка, которая заставляет мужчин и женщин замечать ведьм. А пока…

Вздохнула Зинаида и спросила мужа:

— Так ты ко мне насовсем? Разделить заботы? Или просто заглянул сказать, что жив, и в свою жизнь вернуться?

— Если примешь, Зинаидушка — насовсем! — глухо ответил Константин. — Есть у меня и дом,

и работа, я, правда, хотел ближе к сыну перебраться, продал все, но с моей профессией нигде не пропаду.

Посмотрела Ида на мужа своего, на седую его голову, да и кивнула:

— Оставайся, Костя. Тина сейчас у меня живет, Кате не до нее. Осенью, конечно, мать ее в город заберет, тогда и повидаетесь. А пока… живи.

Поклонился ей муж, обнял неловко натруженными руками, и до-о-олго они сидели, обнявшись, пока не явился на кухню недовольно фырчащий Серафим. Оглядел гостя, мазнул хвостом по его камуфляжным штанам, да и мявкнул нерадивой хозяйке — где, мол, мое молочко? Крыса утром на крылечке лежала!

Смахнула баба Ида набежавшие слезы и пошла кота молоком поить.

Глава 8

С появлением в доме деда жизнь в деревне стала ярче и разнообразнее. Дед Костя навел непонятный женщинам порядок в одном из сараев, установил там верстак, привез какие-то инструменты и… начал сам делать берестяные коробочки под мази, туески для сыпучих порошков, плел корзины, вздыхая, что материал надо бы весной запасти, но и с летней лозой управлялся он ловко. Потихоньку дед подправил ворота — и те перестали скрипеть и провисать, сколотил удобные стульчики для работы в саду и скамеечки для веранды. В общем, в доме стала чувствоваться толковая мужская рука, а из сарая всегда вкусно пахло свежим деревом, берестой и столярным клеем.

Тина была в восторге — ее тоже научили плести маленькие коробушки, дали в руки выжигатель — украсить досочку для резки хлеба, объяснили многое непонятное про лес, речку, про зверей.

Дед Костя про себя рассказывал скупо, зато про зверей — много. Скрывая свою профессию хирурга, он много лет работал ветеринаром, и вскоре

местные об этом проведали. Вообще, ветеринар в деревне, конечно, был — один на пяток деревень. Прививки он еще успевал ставить, а все остальное — по возможности. Вот и начали деревенские к деду бегать — то корова на сук напоролась, то коза не раздоилась, то гуси чего-то наелись и лежат… В общем, забот хватало, и Валентину никогда не отгоняли, всегда брали с собой в помощь — хоть к младенцу, хоть к теленку.

Девочке это было особенно приятно. Она ощущала себя взрослой и давно уже забыла про стримы, подкасты и прочие развлекающие картинки в сети. Теперь она искала в гугле определитель растений и грибов, изучала травники, а по возможности и курс химии и биологии для поступления в медицинскую академию — раз уж дедушка и бабушка врачи, почему бы и ей не попробовать?

Однажды деда позвали в соседнюю деревню — приехал за ним немолодой уже мужик на «буханке» защитного цвета и увез. Вернулся дед только через два дня — задумчивый и с «подарочком». Хозяин дома, в котором Константин Смертин гонял костлявую, оказался пасечником и подарил доктору не только банку меда и пластину воска, но и пару туесков со свежевыле-

тевшими роями.

Дед озадачился, но не удивился. Спросил у бабули разрешения и на теплом пригорке в саду установил два улья — желтый и розовый. Тине было очень любопытно и интересно наблюдать за пчелами. Она садилась с книгой неподалеку и смотрела, как пушистые от пыльцы насекомые тяжело падают на дощечку летка и вереницей заползают в улей.

Про пчел тоже пришлось много читать и слушать, но это было так интересно, что Тина не жалела о потраченном времени.

Воску бабуля обрадовалась — оказывается, хороший воск входил в состав многих мазей, а еще с ним бабушка делала «медовые бинты», которые, по ее словам, часто нужны были зимой.

— Ноги мужики мыть ленятся и портянки крутить не умеют. Носок собьется, мозоль натрут, а потом ходить не могут. Вот для таких бедолаг медовые бинты и запасаю — чтобы грязь вытягивали и кровь чистили. Смотри, как надо…

Июнь пролетел, благоухая сиренью, мятой и липой. Июль нахлынул грибами, черникой, острым запахом болотных трав, которые взять можно было только в июле — когда жара подсушивала лесные тропы и разгоняла змей.

К августу в саду созрели ранние яблочки, крыжовник, вишня — бабуля и тут успевала делать все быстро и экономно, готовя не варенья да соленья, а сиропы, настойки, наливки и пастилу. Сушилка, привезенная дедом из города, работала не переставая, как и печь — но бабушка не устраивала кухонных марафонов, а все делалось как бы между делом:

— Тина, с дедом на речку пойдете? Нарежь вот яблок кастрюльку и беги.

— Костя, на рыбалку с утра собрался? Давай-ка, старый, косточки из вишен поковыряй, наливку твою любимую ставить буду!

Так потихоньку дни стали короче, небо обсыпалось крупными звездами, по утрам стало зябко, и двадцатого августа у Тины зазвонил телефон:

— Дочь, — удивительно спокойным и даже мягким голосом сказала мама Катя, — ты домой-то собираешься? Тебе надо форму купить и обувь к школе посмотреть.

Валентина всмотрелась в любимое лицо и улыбнулась:

— Собираюсь. Мам, а можно бабушка со мной приедет? Ей ненадолго в город надо!

— Пусть приезжает, — кивнула Катерина, — только… я, пожалуй, маме квартиру сниму, у нас

тут тесновато сейчас.

Валентина не поняла, почему тесновато, но бабушку к телефону позвала, а сама ушла в сад. Как-то горько стало от того, что это удивительное лето закончилось. Дед Костя сидел на скамейке под яблоней и срезал кожицу — для пастилы. Внучка села рядом и присоединилась к делу.

— Не грусти, — сказал ей дед, помолчав, — учиться надо. На следующее лето приедешь.

— Да я стараюсь, — вздохнула Тина, — но все равно жалко!

В носу подозрительно захлюпало. Но тут к ним подошла бабуля:

— Ну, вот и договорились. Еще недельку тут поживешь, я Кате сказала, что купить сейчас одежду не проблема, а ей спокойнее будет. Все же токсикоз…

До Валентины не сразу дошло. А когда дошло, она обрадовалась:

— Ура! У мамы будет мальчик! И от меня все отстанут!

Бабушка с дедом посмеялись над ее восторгом, но Тина так радовалась, что заразила своим желанием порадовать маму всех.

Целую неделю они готовили гостинцы, а потом на станцию их отвез мужик из деревни, потому

что в мотоцикл бабули все баулы не влезли. Сели в поезд, выдохнули, взглянули друг на друга и… рассмеялись! Ну не съест же их Катерина, в самом-то деле?

Глава 9

Город встретил их легким прохладным дождем. Бабушка улыбнулась, накидывая на внучку дождевик:

— Дождик — это хорошо, он смывает все плохое!

Дед молча подхватил их баулы.

Пока ехали в такси к дому родителей Тины, девочка смотрела на город как будто по-новому. Оказывается, жизнь в доме бабушки открыла ей глаза. Теперь она видела не просто красивый фонтан, в котором любила помочить ноги, а энергетическую точку. Вот почему тут всегда много детей! Не просто скверик с темными елями, а другую точку — темную. Сюда любят приходить поплакать, погоревать, сбросить боль в потемневшие деревья. А вот их дом сиял чем-то интересным. Бабушка выпрямилась на переднем сиденье, покрутила головой и довольно вздохнула:

— Костя, глянь-ка! — позвала она деда.

Тот, нахмурясь, взглянул на обычную пятиэтажку, и морщинки на его лице разгладились:

— Ай да Катерина! Ну, теперь мне точно надо рядом жить!

Тина ничего не поняла, но бабуля ее обняла и прошептала:

— Твоя мама ждет сына. Сильного ведьмака!

Девочка закусила губу. Она только-только обрела бабушку и дедушку! А тут какой-то младенец будет отбирать все их внимание? Ида поняла ее невысказанные мысли и обняла еще сильнее:

— Эй, маленькая ведьма! Этот малыш еще долго не сможет собирать со мной травы, варить зелья и читать книги! Да и дед, конечно, ему рад, но младенцы поначалу только едят и спят, а Константин будет рад поделиться накопленными знаниями.

Тина немного успокоилась и поспешила вверх по лестнице.

Катерина не ожидала увидеть мать и… отца. Охнула, чуть не села мимо тумбы. Дед перехватил ее и обнял, как маленькую девочку:

— Ну что ты, Катюша, все хорошо! Видишь, я нашелся!

Потом мама долго плакала, а бабуля заваривала ей чай из привезенных трав. Тина внимательно смотрела и помогала — нужно было положить травы в правильном порядке и что-то заки-

пятить, что-то просто залить горячей водой, а в конце прибавить мед и кусочки яблока.

Потом все вместе долго пили чай и разговаривали. Дед рассказал про своего приемного сына и про планы купить квартиру поближе к дочери. Бабушка сказала, что совсем бросить свой деревенский дом она не может, но зимой с радостью поживет в городе, а вот летом будет ездить в деревню и Валентину с собой брать. Травы добрые всем нужны.

Тина слушала и предвкушала.

Между тем день склонился к вечеру, и мама начала греметь кастрюлями — греть ужин к приходу папы. Дед и бабушка, оставив гостинцы, собрались в гостиницу. Мама вяло возражала — успокоительный чай сработал слишком хорошо, так что она беспрестанно зевала. Крепко обняв на прощание «своих девочек», Ида и Константин все же ушли. Мама же вдруг села на табурет и заплакала. Тина долго обнимала ее и шептала слова утешения, потом пришел папа, и девочка с облегчением скользнула в свою комнату. Пусть уж взрослые сами разбираются в своих взрослых проблемах! Ей вот Марфу пора кормить и чесать!

Собственная комната вызвала желание по-

морщиться. Вот уж… смех один. Серые обои, хрустальный шар, карты Таро… Забавно, не более. Настоящая ведьма видит иначе. Пожалуй, стоит это все сменить, а кое-что убрать в шкаф… А вот это вынуть…

Устав от хлопот, Валентина упала на кровать и уснула. Она не слышала, как приоткрылась дверь, впуская сытую кошку. Как заглянула мама — выключить лампу и накрыть дочь пледом. Как папа плотнее прикрыл дверь, чтобы дочери не мешали их долгие разговоры. Тина спала. Она была дома, и, пусть явно ощущала приближение перемен, тепло родных стен и встреча с родителями давали ей силы смотреть вперед без страха.

Глава 10

Появление деда придало сил всей семье. Как-то очень быстро они с бабушкой купили двухкомнатную квартиру в старом доме, окруженном кленами и яблонями. Дед своими руками делал ремонт. Валентина каждый день забегала к ним в гости и вместе с бабушкой готовила что-нибудь вкусное и необычное с травами, которые они привезли с собой. Маму накрыл жесточайший токсикоз, так что готовить она не могла. Тина жалела маму и приносила домой пару контейнеров — для папы. Иногда девочка вставала ночами и видела, что мама все же ест затейливый сырный пирог со шпинатом и огородной зеленью или пьет через край холодный куриный бульон с пряностями. Она сонно зевала и радовалась тому, что маме удавалось накормить капризного братишку.

В школу ее собрали тоже молниеносно. Маме стало дурно на входе в торговый центр, так что она просто вручила дочери карточку и уселась на скамейку в тень елочек, обрамляющих площадку перед входом.

Тину никто не подгонял, не дергал, поэтому она быстро выбрала две блузки, юбку, брюки, белье, колготки, обновила запас носков и перешла в обувной отдел. Вот тут возникли некоторые трудности — нога у Валентины уже, кажется, не росла, но за лето привычной обувью стали кроссовки, резиновые сапоги и шлепки. Нога никак не хотела упаковываться в узконосые туфельки-балетки, удобные для второй обуви, и тем более в более плотный вариант — осенние полуботинки. Помучившись и так и эдак, девушка купила черные кроссовки, белые кроссовки и серые кроссовки с утеплением. Пусть мама возмутится, что это «не женственно», ходить и мучить ноги в туфельках она не будет! А если соберется куда-нибудь, как выражается бабуля, «в приличное место», то просто возьмет туфли у мамы! Вот! А теперь канцелярия! И новая сумка!

Катерина с удивлением посмотрела на дочь, вышедшую из торгового центра буквально через час.

— Ты все купила? Точно все? — недоверчиво уточнила она.

— Тетради для общества и атласы купят для всего класса, — сказала Тина, — учебники выдадут, остальное все здесь!

Она не стала говорить, что не удержалась и прикупила пару красивых блокнотов: один с рисунками трав — для личного травника, второй с бледными копиями натюрмортов голландских художников — для кулинарных рецептов «от бабушки».

Мама удивилась, но уже так устала на жарком августовском солнце, что даже проверять не стала — они зашли за мороженым и двинулись домой.

Остаток лета пролетел быстро. Тина пришла в школу и удивилась тому, как изменились одноклассники за лето. Кто-то подрос, кто-то похорошел, у кого-то внезапно проклюнулись усы или розовые прыщи осыпали половину лица. Девятый класс, он такой — взросление, метание, грядущие экзамены…

Общаясь с подругами, Валентина не замечала, что и сама она изменилась.

Не было больше интереса и необходимости делать строгое лицо, напротив, она улыбалась и здоровалась со всеми, радуясь встречам. Ничего нарочито мрачного и темного не было и в одежде. Утром, собираясь на линейку, она забыла нарисовать пугающие стрелки, да и волосы от спешки собрала в простую косу, скрепив резин-

кой со смешными деревянными человечками, которых вырезал для нее дед. Серьги выбрала новые — аккуратные гроздья стеклянных ягод. Новая белая блузка — совсем простая, без кружев и блесток. Юбка — зауженная книзу, до лодыжек, зато с разрезом сбоку! Этот разрез очень ей нравился, потому что имел секрет — внутри юбки прятались шортики, так что ни один ветер не мог нанести урон ее хорошему настроению. А уж шикарные белые кроссовки — радость ее сердца — радовали и глаз, и ногу.

Правда, над кроссовками болтался деревянный браслет из фигурок лис — тоже подарок деда «на добрый путь», на запястье переливались стеклянные ягоды — малина, белая смородина и черника — подарок бабули, но прежде руки Валентины украшали гроздья фенечек, кожаных ремешков, деревянных бусин и гагатовых пластин. Она даже на лоб вешала гематитовую каплю, придавая лицу мистицизма, а теперь стояла на асфальте у школы, смеялась и чувствовала, что окружающие воспринимают ее куда серьезнее, чем прежде.

Даже классный руководитель, здороваясь с подопечными, увидев юную ведьму, заулыбалась:

— Кто у нас пришел такой красивый? Валентина, тебя не узнать!

Тина сморщила нос — свое полное имя она не любила, но все же улыбнулась Наталье Николаевне и… промолчала. Хотя такая сдержанность стоила ей титанических усилий!

Зато после официальной части она отвела в сторонку Милену и сунула ей в руку листочек:

— Диета и отвар для кожи, пей натощак и не дави прыщи!

Одноклассница покраснела, и ярко-розовые пятна стали еще ярче.

— Да не бойся ты! — Тина свела черные брови. — Когда прыщей много, значит, ты резко выросла! Надо просто коже помочь и сладкого не есть на ночь!

Милена покраснела еще сильнее, тогда Тина вспомнила, как бабуля уговаривала девчонку в деревне, и добавила мистическим тоном:

— Если целый год будешь правила соблюдать — замуж по любви выйдешь!

Милка вздрогнула. Она была довольно тихой девочкой, о карьере не мечтала и видела счастье в семейной жизни. Видимо, этих слов ей хватило — она схватила листок из блокнота с травами, который Тина заполнила, ожидая, пока все получат учебники, и, развернувшись, убежала. Валентина вздохнула. Вообще, навязывать свои услуги

ведьмам не положено, но был нюанс — терпеть в ближнем окружении истерики, мысли о суициде и прочий негатив ведьмам тоже вредно. Так что пришлось искать баланс в окружении с первого дня. Тем более маме к весне рожать, и Тине может понадобиться помощь в учебе. А Мила училась хорошо, когда не переживала по поводу собственной внешности. Пусть все получится!

Глава 11

После линейки Тина пошла к бабушке — перекусить, поболтать, спросить, можно ли покупать травы в аптеке? Конечно, они уступали тем сборам, которые они с бабулей делали сами, но их запасов надолго не хватит!

У бабушки с дедушкой внучку ждали роскошный рыбный пирог, густое овощное рагу со сметанным соусом и тощий парень с невероятно кудлатой головой.

— Вот, Тина, знакомься, — чуть смущаясь, сказал дед Костя, — это мой сын, Алексей.

Девушка осторожно кивнула — парень одновременно и походил на деда Костю, и не походил. Худой, но не бесцветный — красок ему хватало, черты лица другие, глаза не льдисто-серо-голубые, а карие. Однако сдержанные точные жесты, выражение лица — всем этим Алексей сильно напоминал приемного отца.

Девушка, испытывая смущение, присела на стул, молча ела, поглядывая то на бабушку, то на деда, то на нового члена семьи, прислушиваясь к разговору.

Алексей, оказывается, учился уже на втором курсе медицинской Академии, собирался специализироваться на хирургии и обсуждал с родителем, сумеет ли он совмещать учебу и работу. Дед Костя возражал. Вернее, он предлагал Алексею работу по специальности — медбратом в глазном центре или в лаборатории, но парень рвался на «скорую», собираясь сдавать фельдшерский минимум в самое ближайшее время. Дед переживал и волновался, бабушка пыталась его успокоить, Тина невозмутимо жевала — ей вообще пока рано было о таком думать. Ее задача в этом году успешно сдать общий экзамен и подналечь на химию и биологию для подготовки к ЕГЭ. Наверное, поэтому она и выпалила первое, что пришло в голову:

— А почему не хочешь медбратом в травмпункте работать? Та же скорая, только без разъездов. Ближайший ведь недалеко от Академии, значит, после дежурства будешь на лекции успевать.

Все застыли, потом заговорили разом и снова замолчали. А дальше дед погладил Тину по голове своей тяжелой сухой рукой и сказал:

— Алексей, Тина права. Польза та же, и фельдшерский сертификат не лишний. Но рядом с учебой, а это, поверь, важно.

Парень бросил на девушку нечитаемый взгляд и кивнул:

— Зайду сегодня, узнаю про вакансии, только… Академия рядом, у них, наверное, отбоя от желающих нет.

— Травма, видишь ли, место специфическое, особенно ночью. Парня все равно охотнее возьмут, — сказал ему дед. — Если не возьмут, попробую по городу узнать. Но лучше бы место нашлось.

Потом Алексей засобирался в общежитие, и бабуля собрала ему с собой пакет с пирогом, какие-то колбаски, сыр, пряные сухарики и еще что-то съедобное. Тина не вникала. Она знала, что перед уходом ей точно так же соберут целый пакет снеди, а конверт с деньгами от папы она уже оставила в кармане бабулиного пальто. Да, папа сразу решил, что теща с таким кулинарным талантом не должна тратить на еду для зятя свои деньги, и уже второй раз передавал с Тиной некоторую сумму «на мясо». Бабушка отнеслась к этой идее положительно и расспросила внучку, что любит ее отец, чтобы готовить то, что папа Тины точно будет есть.

После ухода Алексея дед разнервничался, и бабушка отправила его в магазин, а сама повела

Тину в комнату, чтобы разобрать травы и приготовить кое-какие штучки для будущего младенца. Пока, конечно, тренировочные. Мазь с чередой — для чистой кожи. Полоскалку с ромашкой для снятия зуда и спокойного сна. Укропная вода — от колик, и мятная вода для десен. При этом бабуля сразу внучку предупреждала, что в любой аптеке можно купить лекарства и фирменные штучки, которые сработают не хуже домашних зелий, но и цена другой будет, и не всегда они есть. А простые травы в доме любой травницы найдутся.

Тина все записывала в свой блокнот и задавала вопросы:

— Что будет, если сюда не оливковое масло положить, а льняное? А если к ромашке мелиссу добавить? А сюда огуречную траву?

Бабуля отвечала, если знала ответ, а если не знала, предлагала рассмотреть зелье с точки зрения химии — какие вещества содержатся в травах и маслах? Для чего они? Добавка или замена будет усиливать основное действие или, наоборот — смягчать? Побочный эффект?

Тина листала справочники, погружалась в книги и чувствовала себя очень здорово. Потом из магазина вернулся дед, они выпили чаю с домашней халвой, и бабушка собрала пакет с

ужином для папы и ночным перекусом для мамы. Заодно обсудили расписание и режим дня. Уже в сумерках дед проводил внучку до дома и на прощание снова потрепал по голове:

— Спасибо, внуча, что Лешке подсказала. От нас он бы совета не принял, гордый, а от малявки — почему бы нет?

Тина фыркнула, с легкой руки Алексея дед начал так ее называть, и девушке это совсем не нравилось. Однако обижать недавно обретенного родственника не хотелось, поэтому она только неуступчиво повела плечом и промолчала.

Глава 12

Учеба, ежедневные заботы о матери, визиты к бабушке и деду — хлопоты закрутили Тину так, что очнулась она только к Новому году. До праздника оставалось совсем немного времени, когда бабуля напомнила ей, что уже послезавтра будет самая длинная ночь в году, и провести ее нужно совершенно особенным образом.

Валентина вздохнула. Мама стала еще больше бояться «всех этих колдовских штучек» и с радостью восприняла желание дочери сменить в комнате обои и немного подправить интерьер.

Нежно-сиреневые обои с легким узорным тиснением Тина выбрала сама, и маме они понравились. Черные подушки на кушетке она разбавила сиреневыми, голубыми и фиолетовыми. Шторы тоже поменяла — на легкий сиреневый тюль и более темные плотные портьеры.

Разные мелочи: хрустальный шар, карты Таро, платки со знаками зодиака и прочее девушка спрятала в шкаф — для маминого спокойствия. Даже серый ковер в комнате удалось поменять — Тина просто отдала его однокласснице, которая

отчаянно хотела поднять свой авторитет в классе и потому во всем копировала «Тинку-ведьму». На темный ламинат отлично лег огромный круглый коврик из трикотажной пряжи нескольких оттенков голубого и лилового. Мама считала, что Тина купила его в модном интерьерном магазине, а на самом деле они связали его вместе с бабушкой, изведя на это дело стопку футболок, купленных в «секонд-хенде» за копейки.

Вообще, бабуля как-то незаметно приучила Тину следить за окружающими ее предметами, вовремя делать уборку, готовить из свежих продуктов и аккуратно вести ежедневник. Девушка и раньше не была неряхой или раздолбайкой, но повышение уровня самодисциплины сказалось на всем — даже на учебе. Теперь пятерок в электронном журнале было куда больше, чем четверок, а учителя химии, биологии и математики гордились ее успехами.

Однако отметить самую длинную ночь в году надо. Только как?

Однако бабуля не подвела и взяла это на себя — договорилась с матерью Тины, и та отпустила девочку вечером в пятницу «варить холодец».

Когда Валентина вошла в подъезд, по нему разносился аромат густого пряного бульона.

— Ба, мы что, правда будем холодец варить? — изумилась девушка.

— Конечно, — улыбнулась Ида, поправляя ободок со смешными кошачьими ушками. — Первое правило хорошей лжи — всегда говори правду!

Тина хихикнула. У нее этих «правил от бабули» накопилась уже целая тетрадка! Иногда она эти фразочки даже ставила вместо эпиграфа в соцсетях. Но нечасто. Дед ей объяснил, что такая открытость, которую предполагают все эти странички, недопустима для человека деликатной профессии, а медицину он считал именно деликатным делом. Впрочем, Тина и не рвалась сообщать о себе миру. Ей нравилось иметь тайну!

На кухне было жарко, несмотря на открытое окно. Оказывается, бабуля действительно готовила холодец, а еще собиралась вместе с Тиной печь особый хлеб — из семи видов муки, с молоком, маслом и медом, а еще печь пироги — с семью разными начинками. Девушка тут же пришла в ужас — это ведь умереть на кухне придется! Но бабуля весело подтолкнула ее в плечо и подмигнула:

— Не бойся, все дело в правильной организации. Учись!

Оказывается, целый месяц до праздника бабуш-

ка и дед понемногу подкупали нужные продукты — семь видов злаков и разные вкусности для начинок. Так же, не торопясь, дед помолол все нужные зерна на электрической кофемолке. Маленькими порциями, слушая через наушники семинар по гнойной хирургии. Бабушка же занималась начинками — что-то нужно было вымочить, что-то высушить, что-то отварить.

К назначенному дню все ингредиенты были готовы и аккуратно разложены по удобным мискам.

— Начнем с хлеба! Ореховый хлеб дело непростое. Молотые орехи тяжелые, жирные, закваске очень непросто поднять такое тесто. Поэтому начинаем с опары. В теплом молоке разводим муку с хмелевой водой и ставим в теплое место. Вот, бери молоко, грей и разводи.

У Тины руки дрожали от страха и восторга — она сама заводит тесто на хлеб! Потом тесто на пирожки. Потом смешивает рубленое мясо, жареные грибы, пассерованный лук и соус для начинки. Возвращается к тесту для хлеба — и начинает просеивать молотые орехи, ячмень, овес, рожь и гречу, чтобы будущий хлеб стал легким и пышным. Бабуля над ухом плавно и напевно подсказывает наговоры — на здоровье, силу, бла-

гополучие и богатство, а Тина повторяет, и дед любуется ими, натирая на терке лимоны — для сладкого пирога.

Волшебный вечер плавно перетек в волшебную ночь. В комнате накрыли хрустящей бело-голубой скатертью стол. В центр бабуля уложила венок из сосновых веток, а на него — теплый круглый хлеб, украшенный изображением солнца. Тина любовалась немного неровными линиями, ведь она сама надрезала их лезвием, смоченным водой. Вокруг хлеба зажгли двенадцать разноцветных свечей, а весь остальной стол заставили пирогами, мясными и сырными нарезками, соленой рыбкой, овощами, сладостями — стол буквально ломился! Такой красоты Тина даже на Новый год не видела!

— Двенадцать блюд, по чину, — бабуля ходила вокруг, поправляя салфетки и бокальчики. — Сейчас пельмени сварятся, и за стол пора!

Дед хмыкнул и выставил на стол бутылки и графинчики — с медовухой, легким вином, перцовкой, компотом, морсом и травяным отваром. Тина на алкоголь смотрела равнодушно — бабушка учила ее делать настойки и наливки, но лекарственные, из тех, что употребляются каплями, а спирт является консервантом, не более.

Задребезжал звонок, и дед пошел открывать. Пришел Алексей — и не один, а с другом. Бабуля улыбнулась и поставила на стол еще одну тарелку. Тина только хмыкнула — друга звали Стас, и был он круглым, розовощеким и румяным, как свежевыпеченный пирожок. То есть являл собой полную противоположность тощему Алексею.

При госте никакой мистики за столом не творили — все просто сели за стол, и дед разделил аппетитный хлеб, нарезал запеченное куском мясо и самый большой и красивый пирог.

Потом все ели, немного пили, разговаривали об учебе, о медицине и студенчестве. Все было так вкусно, обильно и радостно, что время пролетело незаметно. Уходить так не хотелось, что Тина, кажется, уснула прямо за столом, а проснулась в пижаме и на бабушкиной постели.

Выглянув в соседнюю комнату, девушка поразилась: стол стоял почти пустой — на нем остался хлеб, накрытый полотенцем, венок с погасшими свечами и пирог с яблоками и медом. На разобранном диване храпели студенты, а из кухни доносился аромат кофе и травяного чая — кажется, дед и бабушка уже встали и готовили завтрак.

Быстро пробежав в ванную, Тина поплескала в лицо теплой водой, заплела косу и отправилась

на кухню. Выходной — так здорово, что никуда не надо спешить!

Она едва успела откусить кусок булки и сделать глоток травяного чая, как за спиной раздались тяжелые шаги — парни встали и сонно шарахались по дому, собираясь на учебу.

Бабушка быстро собирала им пакет с гостинцами, дед варил кофе, а Тина недовольно морщилась — вот медведи! Такое утро! За окном свежий снег сверкает на солнце после ночной метели, в доме пахнет пирогами и кофе… Благодать!

Парни ввалились на кухню, быстро выхлебали кофе, поминая какого-то «Поликарпыча», который «жуть какой злой по выходным», и, схватив пакеты с выпечкой, помчались на учебу. А Тина не торопясь допила свой чай и жалобно посмотрела на бабушку:

— Ида, может сегодня еще позанимаемся?

— Прости, внуча, — развела руками Зинаида Ивановна, — мне сегодня еще подруг навестить надо!

Вздыхая и бурча себе под нос, девушка собралась и отправилась домой — кормить маму пирогами и поглаживать маленькую книжечку, которую вытащила из куска праздничного каравая. Дед сказал, что это значит «получение

знаний, успех в учебе, приобретение полезной информации». А Стасик кольцо выловил! Это к свадьбе! Вот Лешке непонятное попалось — фигурка какая-то, вроде всадника на коне. Дед с бабушкой дружно вздохнули и сказали, что это Путник. К путешествиям и новым событиям. Деду, кстати, тоже необычное попалось — старик с бородой и книгой в руках. Книжник. Он даже поперхнулся, сказал, что не ожидал. А чего не ожидал — и так понятно, что у деда много знаний, и он будет ими делиться. Лешка проболтался, что деда Костю на кафедре ждут и расписание с Нового года под него подстроят! Будет дед гонять студентов! Бабушке тоже интересное досталось — гранат. Красивый такой, с красными зернышками внутри. Ба зарделась и спрятала подвеску в карман. Не сказала, что это, но с дедом о-о-очень выразительно переглянулась. Тина потихоньку погуглила значение: гранат — это любовь.

Вообще, они в хлебе двенадцать фигурок запекли, кому же остальные достанутся? Кусок хлеба она маме несет, еще кусок Лешка забрал, остальное бабуля вроде подругам отнести собиралась… Эх, ну когда же она уже вырастет и будет все знать?

Глава 13

После Нового года время покатилось еще быстрее. Алексей сдавал экзамены и у деда с бабушкой практически не появлялся. Из обмолвок родственников Тина выяснила, что он все же обратился в травмпункт насчет работы и угодил в так называемую «выездную бригаду» дежурных на всяких праздничных мероприятиях. Обычно там дежурил автомобиль «скорой помощи», но кому-то пришла в голову идея посадить в машину сразу травматологов, чтобы часть манипуляций они могли провести на месте. К счастью, начальник травмпункта умел отстаивать свою позицию, поэтому парни не морозились в обычной машине, а в специальной выездной амбулатории, в которой кроме экстренного набора шприцев и лекарств было кое-какое оборудование и главное — отдельная печка для салона.

Тина много времени проводила с мамой — токсикоз прошел, и родительница занялась превращением гостиной в детскую. Валентина радовалась тому, что ее комнату не трогают, поэтому помогала обдирать обои, выбирать кро-

ватку и пеленальный стол.

После каникул на нее снова навалилась учеба — учителя замучили всех подготовкой к ОГЭ, так что девушка и не заметила, как пришел март, а с ним и долгожданные роды. Долгожданные, потому что, по мнению врачей, Катерина Константиновна перенашивала беременность. Мама нервничала, даже плакала пару раз, пока бабуля ее не урезонила:

— Что ты так переживаешь и покоя ребенку не даешь? Двадцать первого марта он родится! Терпи, недолго осталось!

— Но срок был второго марта! — возмущалась мама.

— Второго марта тридцать шесть недель, нормальная беременность может длиться и сорок, и сорок две недели, — с усталым терпением объясняла бабушка. — У тебя парень, дай ему спокойно маминого тепла набраться! И здоровья! Ты же знаешь, что парни послабее девчонок рождаются! Вот и не торопи!

Слегка напуганная резкой отповедью мама притихла, и папа отвез ее в роддом вечером двадцатого числа. А на рассвете двадцать первого у Тины появился брат! Маленький, смешной, очень красный и немножко липкий. Сладко

пахнущий молоком и присыпкой. Назвали его Артем. Поскольку роды прошли гладко, долго держать их в больнице не стали — выписали уже на четвертый день.

У Тины, как у старшей сестры, были опасения, что ей придется возиться с мелким, делить с ним внимание мамы и вообще всячески себя ущемлять. И будь в их семье все как прежде, наверное, так и случилось бы. Но теперь в доме появилась бабуля! Она как-то ловко и аккуратно выстроила режим дня так, чтобы мама спала вместе с братиком и уставала гораздо меньше. Еду они с Тиной готовили пополам, совмещая кухонные хлопоты с учебой.

Мелкий поначалу только ел и спал, а бабушка то и дело отпускала маму в парикмахерскую, на маникюр или просто в кино — прогуляться, посмотреть на людей и вообще не киснуть над пеленками, благо машинка их отлично стирала, да и мало было в доме пеленок — больше всяких забавных комбинезончиков, смешных шапочек и носочков.

Заодно бабуля учила Тину делать массаж, правильно купать брата и применять все те «ведьминские штучки», которые они наготовили осенью. Благодаря этому Артем хорошо кушал,

спал и бодрствовал с пользой для организма.

Весна оказалась ранней и довольно холодной, но Тина охотно гуляла с братом: в ушах наушники с лекцией по органической химии, в руках коляска — полезно и приятно проведенные два часа.

Ближе к лету, когда до экзаменов осталось всего ничего, бабушка и мама освободили ее от домашних хлопот, оставив только прогулки — для разминки. Тина готовилась и отчаянно завидовала маме. Как только стало тепло, дед и бабушка уехали в деревню, забрав маму и Артемку с собой.

— Сдавай все поскорее и приезжай, — обняла на прощание Тину бабуля. — Мне без тебя никак, травы ждать не будут!

С трудом сдержав слезы, внучка обняла бабушку и вернулась к учебникам. Экзамены Тина сдала. Перенервничала, облила какао любимую белую блузку, но сдала все замечательно — и даже лучше, чем надеялась. Пока шли подсчеты результатов, девушка пыталась узнать — нет ли в городе школы с углубленной подготовкой к медакадемии? Такая школа нашлась, и, немного робея и волнуясь, девушка отнесла туда документы на десятый класс, а потом, подхватив рюкзачок и

переноску с Марфой, помчалась на вокзал — скорее, скорее к бабушке!

Второе лето в знакомой деревне прошло иначе. Бабулин домик оказался маловат для всех желающих в нем поселиться, так что дед подумал, да и купил дом побольше — в самой деревне. Туда все и заселились, а «ведьмачья заимка» осталась местом для сбора и приготовления лекарственных сборов, мазей и полезных сладостей.

Бабуля выкатила из гаража свой мотоцикл и лихо на нем гоняла вместе с Тиной. Артемка большую часть дня проводил в «загончике» в огороде, валяясь на покрывале и пробуя «на зуб» все подряд — от камней до Серафима. Мама, пользуясь хорошей погодой, загорала, ходила на речку и в лес — за ягодами, собирала и сушила зелень, а в дождь усаживалась в горнице за пяльцы. Тина и не знала, что мама когда-то очень хорошо вышивала. Бабуля, правда, ей пошептала, что мама на самом деле вышивает обереги, просто сама этого не понимает.

— Так что если мама тебе поясок или юбку разошьет — носи! — строго сказала Ида, разглядывая «танцующих человечков», вышитых на шапочке Артемки.

Тина пообещала носить и вскоре действи-

тельно получила от мамы подарок — вышитый жилет, юбку, передник и ободок. Все в таком сказочном стиле, что Тина засомневалась — пойдет ли ей это? Но, примерив подарки перед зеркалом, убедилась — еще как идет! А главное — такого ни у кого нет! А носить все это можно и отдельно, фолк-стиль всегда в моде!

Глава 14

Папа приезжал по выходным и тоже успевал отхлебнуть летних радостей. Они с мамой стали вести себя как юные влюбленные — оставляли спящего Артемку в кроватке и шли гулять в луга. Возвращались помятые, пахнущие травами и туманами, с красными после поцелуев губами.

Папа все время смеялся и говорил, что у мамы губы пахнут земляникой, а мама в ответ смущалась и что-то шептала ему на ушко, отчего краснел уже папа.

К концу лета, когда Артемка начал потихоньку приподниматься, Тина заметила, что вокруг его «загончика» все время летают бабочки. Откуда они в конце лета? Девочка понаблюдала за ними и увидела, как тонкая зеленая гусеница молниеносно обернулась клейкой нитью, прилипла к листку, в считаные минуты кокон потемнел, налился янтарным цветом, потом треснул, и на листок выползла мокрая бабочка. Она посидела, расправляя и подсушивая крылья, потом расправила их и скользнула вниз — к манежу Артема, чтобы кружиться над ним, вызывая счастливое

агуканье и смех.

Оторопев, Тина побежала к бабушке. Зинаида Ивановна не сразу поняла, в чем дело, но когда внучка показала ей бабочку, кокон и сообщила, что десять минут назад это была гусеница, бабуля подхватила внука на руки и погрозила пальцем:

— Ай-яй! Кто-то растет слишком быстро! Бабочек трогать нельзя! Они могут погибнуть до срока!

Темка загулил, начал хватать бабулю за нос, за волосы, за кончики банданы, но ба повторила свой наказ, а потом попросила деда и Тину сделать над манежем игрушку с летающими бабочками из бумаги. Тина два дня разрисовывала бабочек, чтобы выглядели как настоящие, а дед думал, как заставить их порхать, да еще надежно закрепить конструкцию над манежем. В итоге все получилось, и Темка любовался бумажными бабочками, не пытаясь приманить к себе живых.

На этом заботы не кончились — к малышу липло все живое. Стоило выйти с ним погулять в деревню, как сбегались непривязанные собаки, кошки, гуси, куры, козы. И все они стремились не просто пробежаться рядом, пугая маму, а старались сунуть морду в коляску, а то и «подарочек» притащить!

Ладно, «лакомую» кость, отлежавшую в земле пару недель, можно было выкинуть, как и мышь, и пучок травы, и пару сочных червяков, а что делать с котятами? Кошки тащили их из всех углов, складируя на тонкое шелковистое одеяльце. Мама не знала, что делать, пришлось вмешаться бабуле. Со вздохом она объяснила, что парад котят и щенков прекратится, когда специально для Темы заведут его собственного питомца. Мама, конечно, схватилась за голову, но бабуля ей напомнила, что нечто похожее было с Тиной. Тогда всех выручил Серафим, потом появилась Марфа, но кот уже стар, так что придется принимать решение.

Мама с папой обсуждали это целый вечер — кот или щенок? Какой породы? В каком питомнике лучше брать? Какой корм и какую подстилку купить?

Пока шла дискуссия, Темка сладко спал в люльке, а когда его собрались занести в дом, выяснилось, что рядом с малышом уже спит очаровательный белый щенок, неизвестно как туда угодивший! Повздыхав, родители поняли, что выбор уже сделан.

Ох, как не хотелось Тине возвращаться в конце августа в город!

Она успела на сборе ягод и трав загореть до черноты, научилась завязывать бандану так же лихо, как бабуля, и вполне осознанно читала анатомический атлас и пособие по фармакологии. Однако настал день, когда они вчетвером сели на поезд — дед и бабушка оставались в деревне еще на два дня — закрывать дома, убирать огород и паковать все собранное в огромные баулы, которые планировалось довезти до станции на грузовике.

В поезде Тина с грустью смотрела на проплывающие мимо деревья, крыши домов, мелькающие озера, потом свернулась на полке калачиком и принялась наглаживать Марфу. Ее кошка за лето подросла, научилась охотиться на мышей, кротов и змей вместе с Серафимом, а еще стала помогать Тине с учебой — каждый час прибегала и заставляла хозяйку вставать. То воду разольет, то в лотке начнет скрести, а то и мышь на учебник кинет. Девочка сперва не понимала, в чем дело — возмущалась и ругалась, пока бабушка ей не объяснила. Тогда Тина настроила в телефоне таймер и стала сама вставать каждый час — делать несколько простых упражнений, и кошка успокоилась.

Десятый класс стал для юной ведьмы испыта-

нием. Многие ребята из класса ушли в колледжи, кое-кто предпочел закончить учебу в профильной школе, как сама Тина, так что из четырех классов сформировали два, дополнив их новичками, желающими поступить в медакадемию или на химфак.

На линейке все вели себя настороженно, переглядывались и от души радовались, заметив знакомое лицо. Тина нашла взглядом пару девчонок из своей школы и успокоилась — будет с кем поболтать, а остальное не так и важно. Все равно у нее все силы будут уходить на занятия и брата.

Втянулась в учебный год она быстро — сказывалась летняя привычка вставать рано и делать основную часть работы с утра. Приходя из школы, она обедала и ложилась спать рядом с Темкой. Он гулил, ползал, мазал ее фруктовыми пюрешками или кашей, но в конце концов засыпал, и мама получала пару часов на душ, сон или прогулку. Потом Тина включала в наушниках лекции по биологии и помогала маме по дому или шла гулять с братом и щенком. Они с мамой старались чередоваться и больше пользоваться техникой и услугой доставки продуктов, но все равно ждали папу с работы с большим нетерпением, потому что Темка папу обожал и готов был висеть на нем

круглосуточно.

Поужинав, Андрей Сергеевич брал поводок и коляску и шел гулять с сыном и собакой. Женщины получали возможность посидеть часок в тишине и заняться своими делами. После прогулки Темку и его Марса купали и укладывали спать. Потом Тина успевала сделать часть домашнего задания и ложилась спать не позже десяти часов, потому что в шесть уже вставала, делала остатки задания и спешила в школу.

Напряженный график разбавляла бабуля — они с дедом забирали Тину к себе на выходные. Там можно было спать, есть и учиться, не отвлекаясь на мелкого братишку и шуструю собаку. На следующие выходные дед с бабушкой забирали Темку и Марса, тогда счастливые родители спали до обеда, а потом шли куда-нибудь — в кино, в ресторан или просто на прогулку по магазинам.

В общем, Тину все устраивало, кроме Алексея. Дедушкин сын считал, что стариков безбожно эксплуатируют, и появлялся в их квартире с недовольным лицом. Бабуля встречала его радостно — кормила, нагружала с собой пакеты пирожков, булочек и контейнеров с едой. Дед обсуждал учебу, работу, что-то советовал, в общем, Тина считала, что Алексея ничем не обделяют, и пото-

му не понимала его недовольства.

Однажды она в запале высказала ему это все прямо на кухне, и парень в гневе ушел раньше времени, не прихватив обычного пакета с едой.

— Тина, — укоризненно сказала девочке бабушка, — ты бы с ним помягче.

— Ба, а чего он с кислой физиономией все время ходит и на меня ворчит? Я ему что сделала? — возмутилась Тина. Ее и правда достали подколки и мрачные шуточки «дяди».

— Он ревнует, — вздохнула бабуля, — Костя столько лет был только его, а теперь и Катя, и ты, и Темка. Да и я, получается, мешаю их суровой мужской дружбе.

— Ида, — строго посмотрела на бабушку Тина, — а не прифигел ли кто-то тут? Ты и дед и так все для Алексея делаете! Ну вот представь на минутку, что дед не решился приехать? Вы не встретились? Дед, может, и не решился бы никогда в город вернуться. Это же ты своими связями ему помогла и честное имя вернуть, и документы восстановить! Кормить бы этого оглоеда, как ты, тоже никто не стал бы. Видела я, как дед готовит! Да ты сама вспомни!

Бабушка и внучка переглянулись и прыснули. Однажды в жаркий день, когда всем женщинам

было очень неохота готовить, дед отправил их отдыхать, уверяя, что сам приготовит замечательный обед, как привык. По-мужицки!

Обнадеженные дамы прилегли поспать, а когда проснулись, их ожидало то самое «мужицкое» блюдо. Ладно, тушенку вместо мяса деду простили, картошку, порубленную кусками толщиной в палец — тоже, но бруски жареного сала, невероятное количество лука и перца… В общем, бабушка, мама и внучка в тот день обошлись собственноручно нарубленным салатиком, а дед еще три дня доедал свою «мужицкую» еду, недоумевая, почему никто больше ее не ест.

После этого разговора бабуля стала построже относиться к Алексею, да и дед, видимо, что-то сыну сказал, и тот перестал цеплять Тину, и с бабулей стал разговаривать уважительнее.

Глава 15

А на Новый год… На Новый год мама с папой устроили всем сюрприз! Они все вместе поехали в деревню! Протопили дом, нарядили елку, и даже вечно бурчащий Алексей смеялся и пел «В лесу родилась елочка» вместе со всеми. Поскольку сессию он сдал досрочно, то даже ходил вместе со всеми «петь колядки», переодевшись в вывернутый наружу тулуп и собственноручно нарисованную маску. Тина была счастлива. Артемка гулил и хлопал в ладоши, сидя в специальном стульчике. Родители улыбались и выглядели очень молодыми, прячась иногда за печкой, чтобы поцеловаться.

Кажется, эти каникулы всем пошли на пользу — Алексей присмирел, стал поменьше огрызаться, а потом на него навалилось столько учебы и работы, что он, приезжая в гости, просто ложился на диван и засыпал.

Впрочем, Тине тоже хватало нагрузки — химия, биология, анатомия… Хорошо, что она успела полистать атласы, учебники и специальную литературу в прошлом году! Когда внучка и сын

появлялись у Иды вместе, они нередко спали рядышком — он на диване, свесив длинные ноги, она в кресле, свернувшись калачиком и трогательно посапывая в рукав.

К марту Артемка пошел, с ним стало сложнее, к тому же на улице началась грязь, в которую нельзя было выпускать малыша, и тогда на помощь пришел дед. Он забирал внука и гулял с ним на специальной детской площадке, устроенной на крыше подземного гаража. Снег на специальном покрытии давно растаял, а что не растаяло — сдули тепловыми пушками, и малышня уверенно топала ботиночками по искусственной траве и прорезиненым коврикам возле машинок, горок и песочниц.

Все это пролетало у Тины над головой — она училась и едва успевала ходить в бассейн, чтобы поддерживать форму. Но однажды…

Прекрасным весенним днем примерно в середине апреля внучка заскочила к бабушке и вздохнула — с дивана свисали знакомые ноги сорок пятого размера. Алексей за год бабушкиной кормежки вытянулся еще сильнее, хотя, казалось, это было уже невозможно.

— Тина, детка, заходи, — бабуля выглянула с кухни, — посиди пока в гостиной, я сейчас пирог

выну!

Чтобы не мешать ба, девочка вымыла руки и на цыпочках зашла в гостиную. Села в кресло напротив дядюшки, прикрыла глаза — устала, и посмотрела на Алексея из-под ресниц. Он… сиял! Переливался нежным золотистым светом, как люстра, если смотреть на нее, прищурившись. Тина недоверчиво распахнула глаза, и сияние пропало. Но стоило ей опустить ресницы… и Алексей весь покрывался тонкими острыми лучиками сияния.

Не доверяя себе, Валентина тихонько встала, прошла на кухню, подождала, пока ба поставит пирог на стол, и спросила:

— Ида, с Алексеем все в порядке?

— А что не так? — удивленно и слегка лукаво спросила бабушка.

— Он весь светится! Как лампочка! Глаза прищурю — и он весь в иголочку!

Бабуля довольно улыбнулась:

— Вот и ты видеть стала! Поздравляю! — Ида сгребла ничего не понимающую Тину и с удовольствием ее потискала. А потом объяснила: влюбился наш мальчик, вот и сияет, как люстра. А ты ауры стала видеть. Пока, конечно, вот такие яркие всплески, но это большой шаг вперед. В мае

надо будет в лес выехать, посмотреть, насколько дар раскрылся!

Тина села за стол, получила чашку чая и кусок пирога и задумалась. За учебой и домашними хлопотами она успела позабыть о своем даре. Вернее, просто отодвинула его в сторону. Да, чаек с травками заваривала регулярно — маме было полезно, да и папе нравились душистые сборы, от которых меньше болела голова и отступала усталость. Но советов подругам и знакомым больше не давала, карты лежали в шкатулке, как и все атрибуты «правильной ведьмы», да и не ощущала теперь Валентина себя волшебным существом. Вот будущим медиком — пожалуй. А ведьмой… И вдруг — такое!

— Ба, расскажешь про ауры? — спросила она, догрызая тонкую хрустящую корочку.

— Расскажу, — покивала Ида, — даже книжку дам. Она, правда, почти рукописная, но толковая.

— Как это «почти рукописная»? — изумилась Тина.

— На машинке напечатана, — усмехнулась бабушка. — От руки писать, когда почерк плохой, бесполезно — не так прочтут, напутают чего-нибудь, так что мало таких книг сохранилось. А

вот машинка печатная — милое дело. Буковки ровные, читаются легко, и переплести можно красиво.

Тина такую древность только в музее видела и очень заинтересовалась. Поэтому ба сходила к своему книжному шкафчику и принесла что-то вроде папки из коричневого кожзаменителя. Внутри лежали серые листочки с нечетко набранным текстом.

— Вот, почитай внимательно, будут вопросы — спрашивай, — бабуля погладила внучку по плечу и ушла на кухню — собирать сумку с едой для Алексея.

Валя недоверчиво потрогала жесткую «обложку», потом серые листы и вчиталась в непривычного вида текст.

Сначала в этой своеобразной книге коротко рассказывалось о том, что все предметы — живые и не живые — имеют свой «круг сияния», который зависит от множества факторов. Мельком упоминалось то, что этот круг может и не сиять, а втягивать в себя чужой свет. Дальше шло описание ауры человека — цвета, значение, правильная форма. Тина не заметила, как зачиталась, и дернулась лишь тогда, когда золотое сияние вокруг Алексея подернулось розовой

дымкой — парень просыпался.

Вручив будущему светилу медицины два кулька с едой, бабушка проводила Алексея до двери и вернулась к Тине:

— Ну как, поняла что-нибудь?

— Кое-что поняла. А почему я пока вижу сияние только у Алексея и немножко у тебя?

— Потому что аура живых объектов более интенсивная, — пояснила Ида. — Я свою слегка прикрываю, а вот Леша себя не контролирует, да и сильное эмоциональное состояние усиливает свечение.

— Любое состояние?

— Любое! Гнев, ярость, страсть — все, что вызывает сильные эмоции, может «засветить» человека в один момент. Так что учитывай это и прикрывай свою ауру!

— Прикрывать? Как?

— Представь, что ты под черным зонтиком — никто тебя не видит, если ты не шумишь. Попробуй!

Тина честно попыталась представить себя под зонтиком, но чувствовала себя при этом неудобно. Бабушка искренне пыталась ей помочь, но ничего не получалось — Тина нервничала, аура сияла все ярче, выдавая ее раздражение и нер-

возность.

— Если зонтик не получается, попробуй что-то другое, — наконец сдалась бабуля. — У меня была подруга, Люська, она себя представляла в огромной шляпе с перьями и в корсете. Очень помогало закрыться!

Тина покрутила в голове полученную информацию и решила, что стильный черный водолазный костюм с капюшоном и очками пойдет ей гораздо больше, чем зонтик. Представив себя в нем, девочка засмеялась — бабушка так явно удивилась, а потом расцвела улыбкой:

— Молодец! Вот так и ходи!

Конечно, первый успех Тину окрылил, но дальнейшая работа с аурой ей не давалась. «Костюм» слезал, иногда внезапный блеск чужой ауры бил в глаза и вызывал головную боль. А уж когда она научилась видеть темные пятна дурных мыслей, скверных дел и проклятий, жить стало очень сложно.

Баба Ида совсем извелась, опасаясь, что юность и наивность не позволят Валентине пройти мимо, и юная целительница возьмет на себя неснимаемое проклятие или смертельную порчу. Она старалась видеться с внучкой каждый день, чтобы не упустить момент — поддержать,

подстраховать, а главное — убедить не трогать то, что может погубить саму Тину. К счастью, внучка отвлеклась на контрольные тесты, а потом бабушка с великим облегчением увезла ее в деревню.

Глава 16

Первые дни в деревне прошли в привычных хлопотах — открыть, проветрить и просушить дом, проверить и перебрать запасы трав, пройтись по огородику целебных растений, проверить сад. Потом хлопот стало поменьше, и Тина начала выходить на прогулки в деревню — просто дойти до магазина, посмотреть на других людей и дома, чтобы не одичать. Да и с деревенскими надо общаться — у кого-то они молоко брали, у кого-то яйца, а кто и первые парниковые огурчики ведьмам приносил. Вот во время такой прогулки она и встретила Максима.

Обычный парень — высокий, худой, с длинными волосами, собранными в хвост на макушке. Он пришел в магазин со списком покупок в телефоне, но держался в стороне от словоохотливых бабулек. Быстро покидал в корзину все нужное и встал в очередь на кассу за Тиной. В этот день девушка покупала муку, масло и шоколад для пирога, так что расплатилась быстро, но укладывать в сумку муку приходилось осторожно, так что она чуть-чуть задержалась у кассы и обра-

тила внимание на то, что у парня был такой же набор продуктов.

— О, вы собираетесь что-то печь? — невольно спросила Тина.

Парень мрачно на нее взглянул сквозь длинную челку и ничего не ответил. Почувствовав себя неловко, девушка быстро ушла.

Дома она завела тесто, покрошила молодой ревень, протерла через сито творог с яйцом и кусочком масла и вылепила пирог — красивый, круглый и желтый, как солнце. Под толстым слоем мягкого творога прятались зеленые кусочки ревеня в яблочном повидле и тонкая корочка теста, пропитанного сиропом.

Бабушка даже руками всплеснула, когда красавец-пирог встал отдыхать под салфетку:

— Ох, красота какая, Тина! Надо сегодня чаепитие устроить!

Девушка довольно улыбнулась. Иногда баба Ида звала на чай своих подруг и соседок — все же в деревне она давно жила и всех почти знала. К такому столу полагалось выставить лучшее, что имелось у хозяйки — прозрачное яблочное варенье с аппетитными дольками или темное вишневое — без косточек, а то и земляничное — густое и ароматное. Если пекся пирог, то обяза-

тельно такой, какой умеет печь только хозяйка посиделок. Рыбник так рыбник, с зеленью и яйцом — значит, с зеленью и яйцом. Стол накрывался скатертью, выставлялись сбереженные в буфете бабкины или прабабкины чашки с золотой каемкой, летом обязательно букет из своего палисадника, зимой — пучок веток или красивый цветок с подоконника. В общем, каждая хозяйка готовилась, как умела.

В первый раз угодив на такие посиделки, Тина очень удивилась — они пришли в гости к одной из немолодых уже женщин, и бабушка серьезно наставляла внучку, как надо вести себя на посиделках, чтобы не выгнали. Как пить чай, пробовать угощение, как тихонько подпевать жалостливым голосам, а потом «сумерничать», рассказывая тихими голосами истории из прошлого.

Но впечатление посиделки оставили сильное, и Тина потом спрашивала бабулю — откуда вообще появились такие чаепития? И Зинаида Ивановна рассказала ей, что вот такие посиделки — очень давняя традиция. Женщины собираются, чтобы поделиться душевным теплом. Растворить горе в протяжной песне. Заесть печаль вкусным пирогом. Призвать в свой дом тепло и добрую память.

Есть в этом некое волшебство — исконное, древнее. Потому и собираются чаще всего за круглым столом, потому достают бабушкину скатерть и мамины чашки, да и надевают внезапно теткин подарок или мужнино подношение. В общем, эти посиделки — женская магия, которой пренебрегать нельзя.

На этот раз собирались у них — не в избушке ведьмы, а в купленном деревенском доме. Они с бабулей приготовили все заранее — и круглый, как солнце, пирог, и низкие широкие чашки темно-синего цвета с огромными розовыми розами, и варенье — особенное, крыжовенное, на меду и с орешками. Такое варенье варили по чуть-чуть, очень уж непросто было закладывать в ягодки кусочки орехов.

Первые гости пришли, как привыкли — после вечерней дойки. Дневные дела уже сделаны, наступает более тихое и приятное вечернее время. Дети поливают огороды, мужики садятся что-нибудь ладить — грабли к покосу или топоры точить для колки дров, а женщины возятся со скотиной, делают заготовки на завтрак и обед или вот собираются выпить чаю с пирогами.

Каждая принесла что-то свое к столу. Кто душистую домашнюю колбасу, кто миску ягод,

кто свежее молоко, только что процеженное через тройную марлю. А тетка Марьяна принесла пирог. Пышный, ароматный, с курятиной и пряными травами — такой только у нее и получался. Вроде бы обычная курица да трава из огорода, а вот не оторвешься, пока весь кусок не съешь.

Но для Тины этот пирог стал напоминанием. Уж не внук ли к тетке Марьяне приехал? Как бы разузнать?

Но бабуля ей очень строго каждый раз напоминала — сидеть за столом молча! Слушать можно, а говорить — ни-ни! Мала еще. Вот вырастешь, замуж выйдешь, детей родишь, тогда и будешь на посиделки приходить как равная. Да и то, у молодаек свои посиделки, в этот же круг входят уже бабушки. По-хорошему, Тине тут делать нечего, но ей учиться надо. Ауры изучать, неписанные правила запоминать. Да и вообще не бояться будущих пациентов. Так что девочка смирно сидела за столом, жевала пирог и думала — как бы навести бабулек на разговор о внуках?

По счастью, немолодые уже женщины сами начали обсуждать — кому привезли на лето внуков, кому нет, и как нынешнюю молодежь загнать на огород, если они не едят, не гуляют, а целые дни сидят в телефонах? Беседа, хоть не

сильно приятная для слуха Тины, все же принесла ей нужный результат. Действительно, тетке Марьяне привезли старшего внука — Максима. Он десятиклассник, учится хорошо, но родители настойчиво попросили его летом отдохнуть и отправили к бабушке в деревню.

Тина с интересом выслушала сетования соседки и про себя решила, что парень, кажется, интересный и увлеченный. Значит, будет с кем поговорить!

Глава 17

Вскоре они встретились — у того же магазина. Тина была с бабушкой, а та, увидев парня, спросила:

— Ты Максим будешь? Марьяны внук?

— Я, — недовольно отозвался парень.

— Зайди к нам, я бабушке передам кое-что.

Нехотя Макс зашел и получил бутылку с настойкой для колен и пакет с травами — заваривать для уменьшения воспаления, а также наказ — поменьше соли и теплые чулки.

Валентина любовалась парнем. Ей все в нем нравилось — и длинная челка, и мрачный взгляд, и длинные крепкие пальцы с мозолями от гитары. Даже пыльные черные джинсы и черная же футболка с дурацкой надписью — все ее умиляло и вызывало щенячье желание быть рядом, заглядывать в глаза, сюсюкать, ластиться и вилять хвостиком. Такого Тина за собой не помнила, но весь этот клубок эмоций навалился на нее внезапно, и девочка просто не знала, что с ним делать. Поэтому стояла чуть в стороне, крепко держась за косяк, и не сводила с Максима влюб-

ленного взора.

Зинаиде Ивановне хватило одного взгляда на внучку, чтобы понять — неладно что-то. Когда парень ушел, а Тина осталась стоять с той же глупой улыбкой на лице, опытная ведьма схватилась за голову — влюбилась!

Спешить бабушка не стала — позвала внучку пить чай и завела разговор о своем детстве. Рассказала, как они с подругами играли в «свадьбу», как потом та девчушка всюду бегала за «женихом», и в итоге они поженились.

— А ты в детском саду в свадьбу играла? — невзначай спросила бабушка, подливая внучке мятный чай.

— В свадьбу? Нет, — отозвалась Тина, все еще пребывая в мечтательном состоянии. — У нас мальчишек мало было, да и те дураки сопливые. Мы играли в свадьбу Барби, только Кен у нас был один, а Барби много. Неинтересно получалось.

— А в школе открыточками обменивались? Я вот помню, как приятно было на восьмое марта получать открытки, пусть и без подписи.

— Почему без подписи?

— Так стеснялись наши парни, да и задразнить могли, а так и подарочек подарил, и тайну сохранил!

— У нас на день святого Валентина что-то такое устраивали, — пожала плечами Тина, — но я както и внимания не обращала. Ерунда. Ладно, ба, я пойду погуляю! — с этими словами юная ведьма вышла из-за стола и, забыв про свою чашку, умчалась на улицу, а ведьма постарше схватилась за голову — как же она упустила этот момент?

Ее внучка, судя по всему, никогда не влюблялась! Не переживала кипение эмоций, не делала смешных глупостей, не дарила «избраннику» шоколадки и пластмассовые колечки…

Ида села за стол и накапала себе в чашку настойки с пустырником и валерианой. Кажется, ей понадобится все терпение, разумение и сила воли, чтобы выдержать влюбленную ведьму!

На крыльце зазвучали тяжелые шаги, скрипнула дверь:

— Ида моя! Что такое? — Константин принюхался и нахмурился.

— Не поверишь, дед, — вздохнула Зинаида Ивановна, — твоя внучка впервые влюбилась!

— Впервые? — маг осторожно разулся, прошел в кухню и крепко обнял жену: — Будем надеяться, деревня устоит! А мы выдержим, нас много!

Зинаида Ивановна только вздохнула и покрепче обняла мужа, кутаясь в его запах.

Обычно к шестнадцати-семнадцати годам девочки успевали раз или два испытать чувство влюбленности — наивное, детское, но все же сильное.

Эти такие «игрушечные» чувства готовят подростка к более сильным эмоциям, дают опыт управления собой или выстраивают комплексы. Тина же ухитрилась избежать симпатий и в детском саду, и в младшей школе, да и первые искры пубертата миновали ее серьезное сердце, чтобы обрушиться невероятной волной гормонов и эмоций на едва окрепшую душу юной ведьмы.

А ведь Тина этому парню, Максу, совсем не понравилась. Он держался от девушки в стороне, смотрел коротко, и даже его аура никак не колыхнулась в ее присутствии.

Зинаида Ивановна покачала головой и честно сказала мужу все, что думала:

— Парню этому любовь не нужна, сердце у него шерстяное. Обычная девочка побегала бы за ним пару недель, порыдала в подушку и успокоилась. Но Тина — ведьма, входящаяы в силу… Мне страшно за нее!

— Мы будем рядом! — пообещал встревоженный дед.

* * *

Тина, не подозревая о волнении родственников, вышла на деревенскую улицу. Жарко, пыльно, все попрятались в дома, пережидая самую жаркую пору. Максима искать бесполезно. Что же делать? Помявшись у калитки, девушка решила сходить к реке — там не так жарко, да и тропка к воде тенистая.

Оказалось, у воды собралась большая часть деревни. Кто-то купался, кто-то дремал в тени, мальчишки пытались ловить рыбу, девчонки шушукались, поглядывая на парней. Появления юной ведьмы вначале не заметили, так что Тина спокойно понаблюдала за деревенским сообществом со стороны, а потом, к своему удивлению, обнаружила Макса!

Парень сидел под деревом в компании ровесников, одетых, несмотря на жару, в худи с капюшонами, и что-то с ними обсуждал. Когда он внезапно рассмеялся, обнажая длинную шею, белые зубы и выразительный нос, сердечко Тины так трепыхнулось, что ей показалось — сейчас выскочит! К счастью, ее позвали к себе девчонки, так что ей удалось спрятать собственное ошеломление.

В компании сверстниц ведьма благоразумно села так, чтобы компания парней постоянно была

в поле зрения. Выдавать свой интерес постоянным поворотами Тина не собиралась — давно поняла, что в деревне секретов практически нет, все на виду.

Девчонки болтали о разном — новые книги «Благословения Небожителей», вышивальный набор, привезенный теткой для Алинки, откроют ли в их деревне пункт доставки известной торговой сети. Тина участвовала в разговоре довольно активно — рукоделие ее не особо привлекало, но оценить интересную картинку она могла, а уж «Благословением» в ее школе зачитывались практически все.

Между тем девочки, обсудив жару, решили искупаться. Вот тут Тина немного скисла — на реку она пришла просто так, поэтому купальник надевать не стала. Впрочем, остальных это только обрадовало — посидишь, посмотришь за одеждой, а то коровы бродят, могут зажевать особенно красивую юбку!

Рассмеявшись, девушки стайкой отправились к воде, ловя взгляды парней. Тина хмуро откинулась на толстый ствол ветлы, собираясь хотя бы полюбоваться Максом, делая вид, что наблюдает за подругами, но, к ее огромному удивлению, парень в воду не пошел — остался сидеть в тени

рядом с одеждой приятелей. К тому же он пересел ближе, что было неожиданно приятно.

Разговаривать через тропинку было неудобно, поэтому они молчали, но переглядывались, слушая визги подруг Тины и рокочущие, ломкие баски друзей Макса.

Вода в реке была еще холодновата, так что скоро купальщицы выбрались на берег, закутались в полотенца, плюхнулись на траву и принялись болтать, стреляя глазками на парней. Те делали вид, что не замечают столь пристального внимания, но расправляли плечи, не спешили натягивать футболки и вели «суровые мужские разговоры» про рыбалку и колотые дрова.

Тина заскучала, но на Макса продолжала поглядывать.

Потом как-то внезапно вся компания решила идти в магазин за лимонадом и пряниками, а оттуда — в лес, поискать раннюю землянику. Пока все шумно топали по тропинке вверх, Валентина немного отстала и незаметно очутилась рядом с Максом.

— Ты чего отстал? — спросила она негромко.

— Газировку не пью, пряники не ем, — пожал он плечами.

— Почему?

— Вредно! Сахара много. Я слежу за питанием.

Тина искренне удивилась — среди деревенских пацанов вообще такой зверь, как «слежу за питанием», не водился. Правда, она тут же вспомнила, что Макс как раз городской.

— Качаешься? — спросила она, не замечая на субтильной фигуре мускулов.

— Просто гимнастику делаю, — тряхнул он челкой в ответ.

Так, чуть позади остальной компании, они дошли до магазина, обсуждая полезность проростков фасоли и сои, рукколы и листового салата. Подруги и приятели набрали вредного и сладкого, потом сели в тени и перекусили. Тине тоже отчаянно хотелось щекочущей нос газировки и липких пряников, но рядом с Максом она отказалась от сладкого и старательно втягивала живот, чтобы выглядеть стройнее.

Прогулка в лес была короткой — скоро деревенских приятелей начали окликать мамы и бабушки. Жара спала, нужно было таскать воду для полива и мытья, встречать коров из стада и загонять в сараи овец и коз.

Тина с неохотой пошла домой, а за ужином отказалась от бабулиного сладкого пирога — поела только салат и кусочек куриной грудки. Дед

удивился:

— Что это ты пирог не ешь? Ида с земляничным вареньем напекла, твоим любимым!

Девушка отмахнулась:

— Да я наелась, дед, жарко!

— Ну-ну! — Константин смотрел неодобрительно, но ничего внучке не запрещал.

Глава 18

Увы, через две недели стало понятно, что все плохо. Тина перестала есть совсем. В хлебе вредный глютен и дрожжи, молоко отнимают у телят, мясо вообще мертвечина, а варенье содержит невероятное количество сахара. Салат из «огородной ботвы» — это было все, что бабушка могла уговорить ее есть.

При этом такая строгая диета практически не сказалась на фигуре юной девушки, она и так была стройной, зато очень существенно сказалась на внешности. Волосы потускнели, ногти стали ломаться, запали щеки, под глазами нарисовались глубокие тени, губы стали выглядеть сухими и обветренными, появился неприятный запах изо рта, с которым не справлялись никакие травяные отвары.

Тина постоянно ходила сонной мухой, с трудом усваивала информацию и большую часть дня проводила в компании, в которой был шанс увидеть Макса.

Бабушка и дед не знали, что делать. Константин уже собирался пойти поговорить с парнем

— зачем так девочку изводить, но Ида его никуда не пустила. Усадила за стол, налила травяного чаю и сказала:

— Это бесполезно, дорогой. Парень не виноват в таком ужасном состоянии нашей девочки.

Константин вскинул брови, а потом резко их свел, углубляя морщинку на переносице.

— Она сама придумала, что ему понравится такая диета, сама вытворяет это с собой. Возможно, он что-то сказал, что ему нравятся стройные, или упомянул диету — Марьяна жаловалась, что у него аллергий много и с желудком проблемы. Этот Макс мучается, а окружающим транслирует, что сам это выбрал. А Тина влюбилась и все его слова возводит в степень да к себе прикладывает.

— Так что делать будем? Эдак мы в сентябре девочку не в школу повезем, а в больницу!

— Терпеть, ждать и за Тиной следить в оба глаза! Ее ведьминская сущность себя проявит обязательно, и вот тут нам бы не сплоховать!

Маг и ведьма переглянулись, кивнули друг другу и взялись за чашки. Ох, тяжело ждать да догонять, но что ж поделать? Иногда приходится!

Между тем Валентина продолжала следить за объектом своей любви с нездоровым интере-

сом, следуя за ним мрачной тенью. Она стала плохо чувствовать себя на солнце и снова закуталась в полюбившиеся когда-то мрачные черные одежды. Дед и бабушка наблюдали за ней со все возрастающей тревогой, однако старательно делали вид, что все в порядке. Собирали и перебирали травы, готовили настойки и мази, совершенствовали рецепт припарки для заживления ран — и все же тревожились.

Пик наступил в день летнего солнцестояния. Баба Ида опасалась этого дня больше всего — день ведьмовский, сильный, способности молодой ведьмы могут усилиться скачком, а могут и сгореть в костре ее ненависти или боли.

Деревенские девчонки и парни привычно собрались вечером у реки, чтобы жечь костры, пускать по воде венки, петь песни и тайно целоваться до утра.

Тина старательно собиралась на гулянку — укладывала волосы, добиваясь идеальной гладкости и шелковистости, подводила черной тушью глаза, выбирала самую алую помаду и самую черную футболку. Правда, благоразумие ей не совсем отказало — на ночную прогулку у реки девушка надела черные туристические штаны со множеством карманов, тяжелые ботинки и бан-

дану с черепами. Прыгать через костер в летящем платье не планировала — Макс ведь наверняка будет сидеть в стороне, мрачно взирая на мир, в этом случае она составит ему отличную пару!

Схватив черную ветровку, Тина пробормотала, что вернется поздно и «вы не ждите», покраснела и вылетела за дверь. Дед и бабушка даже не успели заверить ее, что останутся дома. Убедившись в том, что внучка точно ушла, старики бросились в свои комнаты — переодеваться.

Константин натянул черные джинсы, тяжелые ботинки, черную же водолазку и камуфляжную куртку. Седые волосы спрятал под банданой — но камуфляжной. Белые черепа со стразами очень заметны в темноте. Зинаида предпочла черный спортивный костюм с черной футболкой и черную же бандану.

— Дорогая, ты внучку ограбила? — спросил Константин, покрутив жену туда-сюда, крепко держа за талию.

Ида фыркнула:

— Вообще-то, это мне Катерина задарила, чтобы мы с Тиной в одной цветовой гамме йогой занимались!

— Йогой? Не надо мне рассказывать такие ужасы! — содрогнулся мужчина. — Обливаемся

репеллентом — и вперед!

Они оставили на кухне свет, но плотно закрыли шторы, наказали Серафиму и Марфе бдеть за порядком и выскользнули из дома через калитку в огороде. Спустились к реке, высмотрели компанию Тины и притаились в густом ивняке у реки.

Сначала все было хорошо. Парни притащили дров, запалили костер возле удобно лежащего бревнышка, потом, сообразив, прикатили еще несколько чурбаков, чтобы можно было сесть в круг. Девушки начали плести венки, рассказывая друг другу, какие нужно вплетать травы и надо ли крепить на венке свечку или и так сгодится. Невдалеке у корней старой ветлы притаился пакет с пивом и закуской, и вскоре забрякали железные кружки, захрустели пакетики с чипсами и сухариками.

Макс опаздывал. Тина сделала несколько глотков пива, похрустела орешками и тоже взялась плести венок. Зинаида Ивановна, сидя в кустах, покачала головой:

— Ох, густо девка плетет!

— Что такое? — шепотом на ухо спросил ее Константин.

— Чары выплетает. Видишь, задумалась, а руки сами будто плетут? Сильный наговор на венок

накладывает! Судьбу просит!

Дед поежился. Он хоть и неплохим магом был, а все же пасовал перед женской особенностью плести нити судьбы, а порой даже путать их и рвать.

Между тем раздались голоса вновь прибывших. Пришли сразу трое парней и одна девушка. Новенькая. Весьма милая кудрявая пышечка в светлом платье.

— Знакомьтесь, — горделиво сказал Макс, — Ева! Моя девушка!

Парни загудели, поздравляя приятеля, девчонки придвинулись ближе, желая рассмотреть новенькую, и только Тина побледнела и отодвинулась в темноту.

Ей казалось, что у нее разорвется сердце! Она так старалась понравиться Максу, соответствовать его ожиданиям и идеалам… Правда, Максим никогда не говорил о том, какие девушки ему нравятся. Упоминал лишь правильное питание и спорт, а Тина сама додумала, но…

Никто не желает признавать свою вину. Не хотела этого и молодая ведьма. В первые секунды она растерялась, потом испугалась, зато позже — разозлилась. Ее гнев обрушился на новенькую, ведь в мозгу бегал маленький человечек и

кричал: «Катастрофа! Она белая и толстая! Она кудрявая и страшная! У нее толстые ноги и нос картошкой! А-А-А-А-А-А, ЧТО ОН В НЕЙ НАШЕЛ?»

Глава 19

Засевшие в кустах бабушка и дед напряглись.

— Если она сейчас к реке побежит, надо будет за ней быстро бежать, но в воду все же пустить. Охолонет — вытащим.

— А если нет?

— Тогда плохо! Будем смотреть и ждать!

Между тем у костра разворачивалась трагедия. Пухленькая, доброжелательная девушка, да еще новенькая, привлекла внимание всей компании. Ее усадили на чурбачок, налили пива, а когда она отказалась — предложили газировки. Девушка очень мило улыбалась, приняла угощение и осторожно рассказывала, что приехала по приглашению Макса, чтобы немного отдохнуть в деревне после очередного курса лечения.

Услышав это, Ида насторожилась.

— Лечение? Дед, ты слышал? Что там у этой девочки?

— Да погоди ты, по губам прочитаю… А, понятно, ничего страшного, болячка излечимая. К ее возрасту при правильной поддержке совсем проходит.

— Значит, не смертельно, отлично! Так, что там Тина делает?

Тина про упомянутую Евой болезнь и не слышала, однако ее злость по отношению к девушке Макса уменьшилась. Потом голову подняла ревность — очень уж заботливо все отнеслись к новенькой — придвигались ближе, помогали ей плести венок, а Макс! Этот Макс не сводил с блондинки заботливого взгляда и улыбался!

Тину в какой-то момент начала душить зависть, но она держалась из последних сил, пока солнце окончательно не село. Тогда девушки пошли пускать венки, а парни спустились ниже по течению, чтобы их ловить. Ева первая довольно смело швырнула в воду кое-как сплетенный венок — практически из одних березовых веток, а буквально через минуту его поймал Максим. Он поднял «добычу» над головой и потянул подругу к огню — прыгнуть через костер, держась за руки.

Худой, как палка, Максим легко вздернул пухленькую Еву над ярко вспыхнувшим пламенем, а когда они очутились на земле, обнял и поцеловал!

Этого Тина не выдержала. Кое-как плюхнув венок в воду, она ушла, не дожидаясь конца гуляния. Шла домой, твердо печатая шаг, с абсо-

лютно сухими глазами. Вошла в кухню и даже не удивилась тому, что бабушка сидит за столом в спортивном костюме с книгой в руках.

— Доброй ночи! — буркнула, проходя, и поднялась к себе.

Душа горела, сердце рвалось, хотелось орать и топать ногами, но голова при этом была холодной, как лед! Марфа бросилась навстречу хозяйке и отпрянула, вздыбив шерсть. Тина навернула пару кругов по комнате, бросила взгляд на кровать, но ложиться не стала — ее холодная голова требовала действий.

Взгляд почему-то упал на сундучок с книгами, которые ей давала читать бабушка. Там были собраны записки прежних ведьм их семьи, какие-то разрозненные листы, обрывки дневников и вполне толковые травники. Поначалу Тина с интересом копалась в этом бумажном архиве, потом остыла, а сейчас вспомнила, что там был заговор на любовь! Не приворот, а что-то другое! Ну-ка, где это?

Тина села на пол, открыла сундучок и принялась перебирать пожелтевшие тетради. Не то, не то, это близко, но что-то не то…

— Нашла! — на эмоциях Тина выкрикнула это почти в полный голос и тут же опасливо

замолчала. Оглянулась, увидела дремлющую в переноске Марфу, фыркнула на занимающийся за окном рассвет и углубилась в чтение. Итак, что тут надо? Травы… Есть. Веник новый… Можно самой связать. Черная кошка… Марфа рядом, благо приносить в жертву ее не надо, только шерсти пучок начесать. Что еще? Полотенце вышитое… Чего нет, того нет, зато есть полоса вафельного полотна с напечатанным узором «вышивки». Сгодится. Что еще?

Все ингредиенты Тина складывала в пакет, отмечая их галочками прямо в книжке. Дальше что? Со всем этим в полночь на перекрестке… Уф! Перечитав все подробности грядущего обряда, юная ведьма позволила себе упасть на кровать и погрузиться в сладкие грезы. Завтра она отомстит! Завтра она страшно отомстит! Макс еще сотню раз пожалеет, что пренебрег ее вниманием и любовью! О, да!

С такими мыслями еще долго металась, не в состоянии заснуть, и только с первыми петухами ее одолел тяжелый сон.

Бабушка и дед вернулись домой, послушали суету наверху и легли спать, наказав Серафиму будить их, когда Тина проснется. Они успели отдохнуть, приготовить завтрак и пару раз за-

глянуть в комнату внучки, чтобы проверить ее состояние.

Даже во сне девушка хмурилась, ее аура полыхала, а кошка нервно топталась рядом, пытаясь успокоить хозяйку.

Встала Тина только после двух часов дня. Мрачная, встрепанная, как воробей, спустилась к завтраку, но есть не стала — выпила кофе и ушла наверх готовиться к вечеру. Деду и бабушке она, конечно, ничего не сказала, но родственники и так поняли, что девушка что-то затевает.

Они делали вид, что все в порядке — мыли посуду, делали заготовки для ужина, часов в десять ушли спать, а сами переоделись и притаились под окнами домика, предполагая, что Тина будет выбираться через окно.

Кто бы мог подумать, что юная ведьма просто выйдет через дверь? Они ее чуть не упустили! Если бы не Серафим. Кот с мявом примчался к хозяйке, подавая сигнал. Ида и Константин бросились к двери, но увидели только решительный силуэт Тины, двигающейся к перекрестку.

Дед и бабушка спешили из всех сил, но им приходилось прятаться от внучки, поэтому шли они медленно, ругаясь на то, что нельзя включить фонарь. Сельская тропинка совсем не то,

что асфальтовая дорожка — сначала оступилась Ида, потом Константин запутался в колючей проволоке. Шипя и ругаясь, ведьма и колдун вынуждены были остановиться, чтобы распутать «колючку», не повредив ноги и руки, а когда все же справились, обнаружили, что Тина ушла слишком далеко.

— Где она может быть? — задергался Константин.

— Судя по всему, к перекрестку шла, — ответила Ида, оглядываясь. Местность казалась знакомой. Чуть-чуть поплутав, она вывела мужа к перекрестку, и они осторожно начали подбираться ближе. Тина стояла на перекрестке, широко раскинув руки. К ее ноге прижималась Марфа, вокруг клубился сизый туман, в воздухе плыли знаки, а рядом дрожал воздух от силы высказанного заклинания.

— Ида, что это? — Константин ошеломленно смотрел на внучку, не узнавая в этой взрослой девице ту голенастую девочку, с которой познакомился чуть больше года назад. Ее полузакрытые глаза глядели тяжело и властно, губы едва шевелились, роняя на землю тяжелые слова. Черные волосы вздымал ветер, а под ногами стелился дым ночного костра.

— Она творит волшбу! Сильную, тяжелую. Прерывать сейчас нельзя, погубим девочку. Я попробую понять, что она затеяла, чтобы потом исправить…

Старшая ведьма встала максимально близко к перекрестку и потянула носом, впитывая запахи тумана, костра и магии. Вздохнула, развела руки, крутанулась на месте и повалилась во влажную ночную траву, задыхаясь и дергаясь всем телом. Перепуганный маг кинулся к ней, забыв о конспирации:

— Ида, Ида, что с тобой?

Старшая ведьма вскоре успокоилась и ответила:

— Это ритуал призыва суженого! Не волнуйся, Тина провела его правильно, все в порядке.

— Тогда почему ты упала и смеешься? — не понял Константин, взволнованно ощупывая жену — нет ли повреждений? Может, она ударилась головой?

— Потому что это правильный ритуал призыва истинной пары, — улыбнулась ведьма, даже не думая вставать с земли. — Ты же не думаешь, что этот самый Макс был ее парой?

— Хм, нет, но…

— Когда-то я таким ритуалом призвала тебя, —

улыбнулась Ида. — Идем домой, думаю, наша девочка скоро поймет, что сделала.

Они отползли в сторону, встали и действительно пошли домой, радуясь тому, что вышедшая из облаков луна осветила их путь.

Глава 20

Тина явилась домой часа через два. Она тщательно собрала и уничтожила все следы своей волшбы. Даже не поленилась дойти до реки и бросить все в воду. А придя домой, облилась с ног до головы чуть теплой водой под летним душем, на цыпочках пробралась в свою спальню и уснула.

Утром Тина проснулась со странным ощущением — если не облегчения, то ожидания. Она провела серьезный ритуал, как взрослая ведьма. Она все сделала правильно, ни в чем не ошиблась. Теперь Макс в течение пары дней должен явиться к ней под окошко.

Весь день Тина предвкушала, как парень, растерянный и растрепанный, появится рядом с ней, а она… молча отвернется! И ничего ему не скажет! Даже про эту страшную, толстую Еву! Или… Или все ему выскажет в лицо, наслаждаясь его виноватым видом. А может… Может, она придумает ему испытание, чтобы ее, такую неприступную и обиженную, завоевать!

Тина мечтала, а бабушка с дедом перемигивались, поглядывая на внучку. Они-то прекрасно

знали, что Максим не ее судьба и никогда ее судьбой не был. А то, что Тина ухнула свою боль, обиду и злость на ритуал призыва суженого — только к лучшему, ей давно пора эмоционально повзрослеть и научиться отвечать за свои поступки.

К вечеру юная ведьма измучилась ожиданием и уже сама поглядывала на калитку, но никто к ним не приходил.

Когда стемнело, Ида позвала внучку пить чай на веранде. Они накрыли стол привычными деревенскими лакомствами — варенье, пастила, свежие лепешки, молоко, мед, ягоды и свежие сливки. Зажгли курения, отгоняющие комаров, засветили лампу и сели, чтобы насладиться длинным спокойным вечером.

Тина нервничала, вздыхала, крутилась, но увлеклась творогом с медом и не заметила, как калитка открылась. Дед с бабушкой замерли, как зачарованные, наблюдая за тем, как скрипнула калитка, зазвучали шаги, и в круг света вышел Алексей в очень странном виде. Мокрая, мятая рубашка, хлюпающие кроссовки, стекающая с джинсов вода и венок на голове!

— Сын, что случилось? — кинулся к нему Константин.

— Пап, все нормально! — попытался отмах-

нуться студент. — Я шел со станции, заблудился и свалился в реку. Думал, утону, темно же! А потом этот венок увидел, он за ветки зацепился и над водой висел, и выбрался!

— Мой венок! — возмущенно взметнулась из-за стола Тина. — Зачем ты схватил мой венок?

— Разве твой? — очень натурально удивилась бабушка.

— Я его лентой перевязала! Заговоренной! — чуть не плакала девушка, пытаясь забрать венок с головы парня.

— Теперь мой! — не желал расставаться с трофеем Алексей. — Мне твой венок жизнь спас!

— Пойдем-ка переоденемся и чаю выпьем, — дед увел сына в дом, а Тина расстроенно топнула ногой:

— Бабушка, ну как же так? Сегодня должен был Макс прийти! Прощения просить! А венок река унесла!

Ида, пряча улыбку, сказала:

— Макс? Это Марьянин Максим, что ли? Так уехал он!

— Как уехал? — побледнела девушка.

— Подруге его нехорошо стало, ей пришлось раньше уехать, так что они на рассвете еще укатили.

— Не может быть! — Тина вихрем помчалась в свою комнату, чтобы еще раз перечитать подробности обряда. Она же помнила, что суженый обязательно должен прийти! Просто обязательно!

Знакомая книжка нашлась в сумке у порога комнаты. Торопливо перечитав пару страниц, девушка отыскала нужный абзац: «Суженый обязательно придет к суженой в этот же день. Если он далеко или за морем, то придет от него весточка. Если же человек не суженый, но казался им — уедет как можно дальше, внезапно завербуется в солдаты или наймется в экспедицию.»

Тупо повторив все трижды, Тина поняла и заревела. Макс уехал! Макс не суженый! Она ошиблась!

Слезы катились и катились по щекам, грозя затопить весь мир. Ведьма сжалась в комок на полу, вымачивая слезами рукава домашнего платья, и чуть было не утонула в горе по внезапно завершившейся первой любви. Гибкое тело в пушистой шубке ввинтилось в руки, раздалось умиротворяющее тарахтение, и Тине стало легче.

Она слышала, как внизу хлопают дверь, раздаются голоса — Алексей и дед с фонарем соби-

рались пойти к реке, чтобы подобрать чемодан внезапного гостя. Бабушка уговаривала их сначала выпить чаю, а мужчины отговаривались тем, что потом не захочется никуда идти. Потом стукнула калитка, и раздались знакомые шаги на лестнице:

— Тина, пойдем чай пить! — спокойным тоном сказала бабушка, словно и не слышала громкого плача. — Мужики сейчас чемодан найдут и явятся. Алексей сказал, что привез тебе шоколад твой любимый! Он венок повесил на гвоздь, если хочешь, можешь забрать!

Зинаида не стала сообщать внучке, что возвращение венка уже ничего не решит — суженый его поймал.

Но Тина не зря была природной ведьмой. Она ощутила, как что-то сжалось и лопнуло в груди. Макс превратился в какую-то далекую точку, эмоции отступили, реальность толкнулась в лицо запахом трав, мягкостью кошачьей шкурки, скрипом половиц и стрекотом кузнечиков под окном.

Чувствуя, как распухло от слез лицо, зажатым голосом девушка проговорила через дверь:

— Хорошо, я скоро приду! Мне умыться надо!

Бабушка ушла, намеренно стукнула дверью

своей спальни, и Тина скатилась по лестнице — в баню. Там она долго плескала в лицо холодной водой, чтобы убрать отек и соль. Потом прикладывала к лицу прохладные примочки из припасенных в бане отваров, переплела косу, стянула с веревки чистую футболку и юбку, переоделась и лишь тогда вернулась к столу.

— Тина, наливай чай, — улыбнулась ей бабуля, — добытчики идут.

И правда — у калитки уже мелькал свет фонаря, а вскоре довольные собой мужчины поднялись на веранду.

— Представляешь, Ида, Алексей весь вымок, а сумки его спокойно на берегу стояли! Даже паспорт и телефон целы!

— Вот и замечательно! — обрадовалась старшая ведьма. — Садитесь скорее за стол, свежий чай готов!

Глава 21

Разговор за столом начался с того, что Алексея, в общем-то, никто не ждал.

По мнению всех родных, он сдавал сессию, потом собирался на практику и в деревню планировал приехать в конце июля, а то и в августе.

После второго куска пирога дед прямо спросил сына:

— Что случилось?

Сжав губы, неловко подбирая слова, студент признался, что расстался с девушкой, с которой дружил с первого курса. Она обвинила его в недостатке внимания, отсутствии денег, постоянной усталости и чуть не во всех смертных грехах. Он пытался оправдаться, и тут явился местный «мажор» — сын декана, и в пылу разговора выяснилось, что Алексея бросают не просто так — девушка уже приготовила «запасной аэродром». В итоге расставание получилось некрасивым и громким, так что слухи потрясли все общежитие и деканат. Ежиться под любопытными и косыми взглядами было так неприятно, что, сдав все, что успел, «автоматом», Алексей отправился в дерев-

ню — приводить в порядок мысли и чувства.

— Просто схватил сумку и поехал. Сам не знаю, почему сюда, Стас к себе звал, в соседний городок, но я отказался. Хотелось к вам.

Парень бледно улыбнулся, и баба Ида чмокнула его в макушку, успокаивая.

— Даже билет нашелся в кассе, кто-то за час до отправления отказался. В общем, до практики десять дней еще, я у вас тут поживу?

— Поживи, конечно, — улыбнулась Зинаида, — мы тебя так нагрузим мужской работой, что и голова отдохнет, и сердце успокоится.

Все засмеялись, даже Тина, и вскоре отправились спать.

Следующую декаду дед и бабушка держали слово.

С утра Алексей и Константин уходили на реку — ловить рыбу, резать камыш и ивняк для плетенок. К обеду приходили домой, мылись под летним душем и садились за стол. Бабуля наливала им борща или ухи, а то и густого куриного супа с пряными травами. Квас, зелень с огорода, домашний хлеб и свежесбитое масло — за таким столом грустить не получалось.

Переждав жару в доме, мужчины брались за поправку забора, перекрывали крышу сарая

или кололи дрова. Вечером помогали с поливом, окучивали картошку, косили траву — в общем, работы хватало, чтобы после ужина Алексей валился в постель и засыпал безо всяких травок.

Тина уматывалась точно так же. Травы, ягоды, коренья, сушка, сортировка, мази, настойки, отвары, восковые и медовые бинты… Летом у травницы работы столько, что и головы не поднять, а юная ведьма не хотела поднимать эту самую голову. Ей было отчаянно стыдно. Когда прошел катарсис гнева, злости и желания испытать данные свыше силы, она устыдилась своих эмоций, точнее, того, что поддалась им. Пошла на поводу у желания обладать человеком, невзирая на его желания.

Дед волновался — внучка молчаливо и упорно трудилась целыми днями, забыв прогулки с подружками. Даже за калитку выходила исключительно в компании бабушки, и то ненадолго. Ида его успокаивала:

— Наша девочка взрослеет! Не трогай ее, Костя. Ей просто надо помириться с собой.

Через десять дней Алексей уехал, забрав с собой венок. Просто сказал, что ему лучше спится под этим пучком трав, и Тина не посмела забрать.

Остаток лета прошел в такой же напряженной

работе. Его скрасил приезд мамы и Артемки, а к осени девушка приняла ситуацию, обдумала все много-много раз и дала себе зарок не поддаваться романтическим порывам. С этим и вернулась в город.

Последний школьный год Тина трудилась, не поднимая головы — олимпиады, подготовка к ЕГЭ, дополнительные занятия и курсы в медакадемии… Порой она засыпала за столом, и папа уносил ее в кровать, как Артема. А еще были домашние дела, визиты к бабушке, какая-то социальная жизнь и подготовка к выпускному.

Усталость копилась-копилась и к концу всех испытаний и праздников выплеснулась в абсолютное равнодушие.

— Тина, ты поступила как медалистка! — радостно кричала мама, просматривая списки на сайте.

— Замечательно! — все, что ответила дочь, и тут же уснула, свернувшись клубком.

Перепуганная мама вызвала бабушку с дедом, и те постановили — срочно ехать в деревню, восстанавливать жизненные силы. Так и сделали, благо папа купил машину, так что доставка переутомленной дочери в «дом ведьмы» заняла всего шесть часов.

Тина в обнимку с Марфой вошла в свою комнату, упала на постель и уснула, забыв снять запылившееся покрывало.

Дня три она ходила словно в воду опущенная — что-то делала, но больше спала, сидела на траве, глядя на солнце, спускалась к реке, чтобы посмотреть на играющую солнечными бликами воду, или бродила по мелководью, разглядывая рыбью мелочь и головастиков.

Потом напряжение начало отпускать, и однажды Тина проснулась с улыбкой, сладко потянулась и заметила паутину на потолке. Ахнула, вспомнила, что не обметала и не белила свою комнату в этот приезд, и побежала на кухню — просить у бабули известку и щетку для чистки потолка.

Услышав задорный топот на лестнице, Зинаида улыбнулась и радостно вздохнула — внучка наконец-то пришла в себя.

А на следующий день в деревню приехал Алексей — он сдал практику и выбрался в деревню на пару недель, чтобы отдохнуть от бесконечной учебы и помочь приемному отцу с мужскими делами. Он вбежал в дом и остановился у двери — Тина, напевая, протирала зеркало, пританцовывая и вставая на цыпочки.

Картина была такой очаровательной, летней, теплой, что молодой мужчина застыл, невольно любуясь. Потом очнулся и отвесил себе мысленную оплеуху — Тина внучка его приемного отца! Родственница! На нее можно смотреть только как на ребенка, а не на взрослую девушку!

— Алексей! — радостно приветствовал сына Константин. — Хорошо, что ты приехал! Заходи! Девочки в доме порядок наводят, так что пойдем чайку на веранде попьем, а потом делами займемся.

Студент позволил увлечь себя на веранду, но сидел за столом с таким отсутствующим видом и отвечал так невпопад, что его оставили в покое. Впрочем, вскоре он очнулся, переоделся в старенькие брюки и футболку и вместе с приемным отцом ушел поправлять подгнивший пол в бане. Они колотились там до самого вечера, заодно переложив часть каменки, подтянув дверь и почистив печную трубу от сажи. Выбрались грязные, черные и, приняв из рук хихикающей Иды корзинку с чистой одеждой и мылом, отправились на реку — отмываться. Баню после ремонта топить можно было дня через два-три.

Выбрав удобное мелкое место, Алексей и Константин разделись, взяли по бруску домашнего

травяного мыла и разошлись чуть в стороны, чтобы не мешать друг другу. Пока мылись, фыркали, плескались, но молчали, а когда выбрались на берег, Алексей отошел в сторону, чтобы сменить белье.

Ночь была чудо как хороша. Легкий ветерок сдувал комаров и деликатно сушил кожу после купания. Луна уже сияла на темнеющем небе, и крупные августовские звезды висели низко-низко, только руку протяни. Алексей даже свежую футболку надевать не стал — натянул джинсы, закинул чистую майку на плечо, грязное бросил в корзину и присел, любуясь тихой заводью.

Вдруг примерно в середине вода поднялась, и… Тина встала на ноги после длинного нырка и двинулась к берегу, отжимая волосы. На боках виднелись завязки купальника, но лунный свет облил ее фигуру, обрисовав силуэт так, что у Алексея бешено забилось сердце. Ничего детского, угловатого не осталось в фигуре Тины. Юная, прекрасная женщина выходила из воды, как Афродита из морской пены.

— Ба! — позвала девушка, и молодой мужчина понял, что она просто ошиблась запрудой. Он осторожно, не вставая, отступил под низко свисающие ветки ивы, услышал, как Ида отозвалась

на зов внучки, и вздохнул с облегчением, когда бабушка, ворча, накинула на плечи Тины полотенце, чтобы не простыла на вечерней прохладе.

Женщины ушли, и Алексей снова смог дышать. Выпрямившись, он забрал корзинку с бельем и пошел к дому, уговаривая себя успокоится и все забыть. Тина его племянница. Ну, почти. Он не должен смотреть на нее с желанием! Не должен!

Глава 22

Принятого решения Алексей придерживался строго. Вставал рано-рано утром и уходил в лес по грибы. Или уезжал на лесопилку за досками. Или на рыбалку. Возвращался в «час травницы», когда Тина ползала по саду, срезая травы, или вместе с Идой бродила по лугам и болотам. Быстро выкладывал добычу, ел заботливо оставленный на столе обед и снова уходил — чинить забор, копать яму под новый погреб, резать бересту или плести подносы для сушки.

Возвращался поздно вечером — ел и валился в постель в надежде уснуть и не просыпаться до рассвета, но стоило смежить ресницы, как перед глазами вставал силуэт Тины, обрисованный лунным светом и капельками воды. Если же ему усилием удавалось прогнать видение, перед ним появлялась Тина, моющая зеркало — легкая, светлая, танцующая в солнечном свете.

После таких снов молодой здоровый мужчина просыпался в поту — и не только. Ворчал, менял белье и уговаривал себя поспать еще немного. Дошло до того, что Алексей приноровился спать в

лесу. Наберет пару ведер грибов, выйдет на затянутую мхом полянку, да и приляжет на часок под шелест сосен. В лесу такие горячие сны почему-то не снились — леший, наверное, отгонял.

Неладное Ида заметила первая.

— Что-то Леша у нас целыми днями пропадает где-то, — сказала она однажды за завтраком, когда Тина уже ушла в огород собирать шиповник.

— Да вроде по делу все, — неуверенно сказал Константин. Сын действительно усиленно хлопотал по хозяйству и за неделю переделал все, что его приемный отец запланировал себе на лето и часть осени.

— По делу, но сдается мне, Тину он избегает, — с намеком взглянула на мужа ведьма.

— Думаешь?

— А что тут думать, девочка выросла, расцвела даже. Внимания на него не обращает, конечно, так вам, мужикам, и надо, — заворчала Ида, убирая со стола.

— Так что делать будем?

— А ничего! Тина учиться будет, Леше тоже еще год учиться, да потом практика, интернатура… Не до любовей им будет. Если и правда он нашей девочке суженый — препятствий нет, а если просто в голову кое-что ударило, так разлука на

пользу пойдет.

На том и порешили.

Тина страданий Алексея практически не замечала — она ловила уходящее лето, удивляясь, куда же подевались два теплых месяца? Ей хотелось пить солнечный свет, аромат трав, вкус ягод и ранних яблок, заворачиваться в первые туманы и украшать себя звездами.

Во снах она летала, иногда замечая внизу знакомые очертания ведьминского дома или идущего по тропе Алексея, но девушку это только смешило. Иногда она подлетала ближе, касаясь теплым дыханием волос парня, и весело смеялась, когда он дергал головой или отмахивался рукой, думая, что на него напал мотылек. Забавные сны ее веселили, поэтому утром Тина, улыбаясь, спускалась к завтраку, да и вообще день проходил радостно, если удавалось полетать во сне.

Трудностей Алексея девушка не замечала — он ловко избегал ее, да она и не думала о нем как о мужчине: родственник — это табу!

Все случилось в последний день перед отъездом в город.

Они весь день паковали травы и заготовки, закрывали погреб и чердак, убирали в сундуки посуду и вещи, раскладывали по углам полынь,

чтобы отогнать насекомых, которые с первыми заморозками полезут в тепло, да и вообще всячески готовили дом к зимовке. Устали. Бабушка с дедом сходили в баню и легли спать, а Тина еще возилась, упихивая в рюкзак свои собственные «нужности». Потом девушка сообразила, что так и не дошла до бани, а ложиться в постель липкой от пота не хотелось. Прихватив футболку-оверсайз и пижамные штанишки, она отправилась в баню и вдоволь наплескалась, смывая и пыль, и усталость. Потом вышла в предбанник, постояла, остывая, промокнула волосы полотенцем, взяла футболку, чтобы натянуть, и тут распахнулась дверь в звездную ночь…

В дверях стоял Алексей. Он опять до позднего вечера проторчал на лесопилке и был крепко присыпан опилками и слегка вымазан машинным маслом. На крылечке у бани покачивался фонарь, поэтому подробностей он разглядеть не успел — только силуэт с чем-то бесформенным в руках. Зато Тина успела увидеть его потрясенный взгляд, а потом дверь захлопнулась.

Она быстро оделась, чувствуя, как пламенеют щеки, выскочила на улицу, но… Алексей уже сбежал, а ей было страшно идти в темноту, искать его… Для чего? Завтра они все вместе поедут

домой на поезде, отправив с папой драгоценные запасы трав и солений. Но как же он смотрел!

Вспоминая этот взгляд, Тина непроизвольно ежилась, но где-то в груди расцветала колючая ромашка, и на губах сама собой появлялась улыбка.

Утром мрачный Алексей держался в стороне. Молча таскал баулы с «сеном» и ящики с яблоками. Молча вскинул на плечо рюкзак с личными вещами и двинулся на станцию. Там тоже держался в стороне, глядя то на толпу бабулек, продающих зелень, пирожки и яблоки пассажирам поездов, то на голубей, клюющих крошки с перрона.

Дед и бабушка изредка обменивались понимающими взглядами, но Алексея не трогали. Тина вообще рисовала что-то в блокноте, не обращая внимания ни на что.

В молчании они погрузились в поезд, в молчании разместились на полках. Тине и Алексею достались верхние полки в отсеке. Они забрались туда, и молодой мужчина сразу лег, согнул ноги и закрыл глаза, стараясь отрешиться от всего и вслушиваться в стук колес, чтобы не смотреть на девушку.

Она лежала рядом — только руку протяни, и

легкий медово-пряный аромат ее волос кружил голову, потому что под подушкой у стены лежала ее косынка, сдернутая в последний момент перед отправлением со столбика в саду. Тина ее даже искать не стала, а молодой человек, хоть и ругал себя за слабость, втайне надеялся, что этот кусок ткани позволит ему крепко спать, даже если Тины не будет рядом.

Между тем плавный ход поезда быстро убаюкал юную ведьму, и та уснула, трогательно свернувшись клубочком рядом со своей кошкой. Тогда Алексей повернулся на бок и стал не отрываясь смотреть на нее, отмечая все, что он прежде не замечал — красивую линию черепа, густые волосы, изящный тонкий нос, разлет бровей и густые ресницы. Тонкие, но крепкие руки с длинными красивыми пальцами, плавный изгиб бедра… Остановив себя, молодой мужчина постарался закрыть глаза, но они снова открывались, чтобы не упустить ни единой черточки той, что приходила уже во все сны.

В городе Алексей, пробормотав, что ему срочно надо в общежитие, вызвал такси и уехал. Тина доехала с дедом и бабушкой до их квартиры, а там их уже поджидал папа с полным багажником «сена», и нужно было все это поднять, разобрать,

разложить на хранение, так что неловкое поведение Алексея забылось.

Через неделю Тина с трепетом стояла на торжественной встрече абитуриентов с кураторами. Их быстро раскидали по группам, провели по лекционному корпусу и передали старшекурсникам.

Почему-то девушек под опеку брали неохотно, так что, когда примчались опоздавшие кураторы, Тина уже искусала губы в надежде не зареветь от обиды.

— Так, первачки, кто еще свободный остался? — на площадку перед аудиторией влетела группа молодых мужчин в белых халатах. — Чур, эта красотка моя! — к стоящей рядом с Тиной блондинке подскочил… Стас! Юная ведьма вскинулась, и…

— Значит, эта моя! — не глядя, сказал Алексей, прихватив ее за рукав.

— Сразу в ЗАГС или сначала покажем девочкам буфет и лечилку? — заржал старый друг.

Алексей мотнул головой и уставился на Тину, как на привидение. Тут и Стас сообразил, что первокурсница кажется ему знакомой:

— Ой, ты же тоже Смертина!

— Я не Смертина, — отрезала Тина, — я Вдовина!

— Неважно! — отмахнулся старшекурсник. —

Мы сейчас вам все быстро покажем и побежим, у нас в анатомичке интересное будет. Телефон мой вот, будут вопросы — звони, — он сунул листок из блокнота «своей» блондинке. — Будешь трепаться о всякой ерунде — заблокирую! А теперь — бежим!

Алексей и Тина мрачно переглянулись и поспешили вслед за Стасом и «его» блондинкой.

Глава 23

Кураторство далось Алексею крайне тяжело. Каждый день видеть Тину было практически невыносимо. Вот она закусывает губу, перебирая карточки каталога в библиотеке, вот хмурит четко очерченные брови, разглядывая конспекты первых лекций, вот смеется, отпивая кофе из простой белой кружки, после первого семинара…

Он не чаял дотянуть до посвящения в студенты — с того дня «первачки» становились самостоятельными, получали студенческие билеты, а кураторы — «галочку» в разделе «общественная работа» и возвращались к учебе.

Наконец он настал — день посвящения! Нарядная Тина в элегантном платье с пышной короткой юбкой нервно переминалась у входа в огромный актовый зал. Другие первокурсники тоже волновались и поправляли кто галстуки, кто воротнички белых рубашек, а кто юбки и платья.

Алексей и Стас появились буквально за несколько минут до начала торжества. Девушки испуганными птичками порхнули к ним:

— Где вы так долго? Скоро выход!

— Какой выход? — не поняли парни.

— Кураторы выводят подопечных и читают с ними клятву студента! — напомнила Тина.

— Методичка есть? — тут же сообразил Стас.

Девушки сунули парням листы с «клятвой» и поспешили на сцену.

И опять у Алексея кружилась голова при одном взгляде на волнующуюся короткую юбку, узкий вырез и волну черных волос.

После посвящения в студенты первокурсники отправились отмечать событие пиццей, а старшекурсники разбежались: кто на ночное дежурство, кто в общежитие — готовиться к зачету.

Алексей взял себя в руки и пошел на работу, но, размачивая гипсовый бинт или разрезая штанину на сломанной ноге, он вспоминал все детали этой встречи. К рассвету молодой мужчина решил, что может просто не встречаться с девушкой — у нее учеба, у него учеба и работа — где же брать время для встреч? А через год у него начнется интернатура, и ему вообще будет некогда отвлекаться на чувства.

Радуясь, что он так хорошо все придумал, Алексей целую неделю работал и учился, мучаясь разве что слишком яркими снами, а потом наста-

ли выходные и…

Тина сидела за столом у деда и бабушки с заплаканными глазами.

— Что случилось? — спросил Алексей нахмурясь. Он планировал и дальше избегать девчонку, но видеть ее заплаканной ему совсем не хотелось.

Оказалось, симпатичная первокурсница привлекла нездоровое внимание одного из «третьяков».

Почему нездоровое? Потому что высокий, тощий, прыщавый тип считал себя гуру пикапа, предлагая девушкам «поехать к нему и переспать», просто столкнувшись с интересной девушкой в коридоре Академии. Над ним смеялись, ему отказывали, но поскольку маменькой великовозрастного болвана была секретарь ректора, связываться с ним опасались. Родительница беззастенчиво топила «прошмандовок», которые не «давали» ее великовозрастному мальчику.

А еще за парнем таскалась «свита» из таких же больных на голову отморозков, платно посещавших лекции фармакологического отделения. Родители их часто были связаны с фарм-бизнесом, и сыновей ждали теплые места в компаниях, связанных с распространением «фуфломици-

нов». И эти придурки устроили на Тину загонную охоту, подкалывая, смеясь и зажимая ее в углах и коридорах. Причем началось это все с посвящения в студенты — очень уж хорошо выглядела Тина в платье и коротком белом халате.

Алексей мысленно обругал себя самыми нехорошими словами. Ну что ему стоило не бросать девчонку в компании «первачков», а присмотреть и потом проводить? Со старшими курсами отморозки не связывались — там уже почти готовые доктора учатся, знают, куда и как бить, чтобы не оставлять следов! Да и неприятности с документами им устроить сложнее — заматеревшие, как зубры, молодые мужики сами могли зажать неуступчивую тетку в углу, чтобы вытребовать с нее нужные подписи.

Больше всего в данной ситуации тревожилась бабушка:

— Дурак-то дурак, да Тину может спровоцировать. Засветит она по нему чем-нибудь смертельным и откат получит. Нельзя этого допустить!

— Хуже всего, — нахмурился дед, — что я этому идиоту тоже ничего сделать не могу. Фармакология подчиняется только своему декану, и они столько денег приносят, что ректор будет говорить что-то утешительное, но ничего не сделает.

После длительного обсуждения решено было не оставлять Тину одну. Утром ее будет провожать в Академию дед, а днем по возможности встречать Алексей. Конечно, первокурсники поначалу проводят время отдельно от старших курсов, но этот дурачок с фармакологии цепляется к ней только в главном корпусе, где проводится большая часть семинаров. А уж там Алексей может подойти и постоять рядом.

Тина немного успокоилась, выпила чаю с травами и ушла в гостиную — зубрить новый материал. Ида же, собирая Алексею запас еды в общежитие, шепотом попросила и самому быть осторожнее:

— Вижу, непростой этот парень, темной магией балуется. Слабые души тем и притягивает. Не зря он в фармакологию пошел. Там легко таких найти… Будь осторожен!

С этими словами опытная ведьма надела на Алексея кожаный медальон искусной работы с ощерившимся волком.

— Здесь внутри волчья шерсть и желудь, а в ремешок вплетены волосы девы и кора ивы, чтобы ты был смелым, крепким и гибким. Думай головой и не подставляйся!

Алексей обнял Иду на прощание и ушел, но до

самого общежития был хмур.

Убрав пакеты с едой в «холодильник» на подоконнике, он обратился к другу:

— Что ты слышал о Моравском с фармы?

— Моравский? — Стас был общительным парнем и все новости факультета узнавал первым, но другими курсами интересовался мало, разве что новый скандал влиял на расписание.

— Сын секретарши ректора, — поморщившись, сказал Алексей.

— А, этот! Ничего хорошего про него не слышал! Говорят, из-за него несколько девчонок отчислились или перевелись на заочное. Одна или две в колледж ушли.

— И почему ему так резвиться дозволяют?

— Да у него не только мать секретарь, у него отец какая-то шишка в областном медсовете!

— Со всех сторон прикрыт, гаденыш! Слушай, Стас, мне твоя помощь нужна!

Алексей попросил друга прикрыть его на случай дежурства и провожать Тину, чтобы Моравский к ней не лез.

— Я, конечно, помогу, — покивал друг, — но этот Моравский славится своими подставами. Я постараюсь узнать о нем больше!

Порешив на этом, друзья легли спать, а утром

Алексей проследил за тем, как Тина прошла в аудиторию. В обед он сбегал за ней, чтобы отвести в кафе, вечером проводил до остановки и только потом помчался в анатомичку. Ближе к ночи, вернувшись в общежитие, он застал там задумчивого Стаса. Друг поделился собранной информацией:

— Человечек этот Моравский гнилой. Маменька его во все места целует, а отец ему не родной, но денег дает исправно и на мелкие шалости глаза закрывает. Если он на Тинку глаз положил, учиться нормально не даст…

— Посмотрим, — мрачно ответил Алексей.

Глава 24

До самого Нового года Тину исправно встречали и провожали. Иногда Алексей даже сидел у нее на парах, читая собственные конспекты, если выдавалось «окно». Моравский про Тину словно забыл — цеплялся к другим девчонкам, отпуская ехидные шуточки, но близко не подходил. Словно ждал, чтобы защитники расслабились.

В предновогодней суете это и случилось. Тину выловили в полутемном коридоре у лаборатории, затащили в подвал и успели содрать халат и порвать воротник платья, когда у нее запел телефон.

Девушка очнулась от ужаса, вмазала в нос кулаком самому наглому и успела, не глядя, нажать «ответить». Ее искал Алексей. Услышав в трубке мат и крик, парень помчался туда, где должна была быть Тина. Нашел в коридоре свежую влажную салфетку с запахом трав, потом сообразил, куда ведет шлейф духов, и ворвался в подвал, выбив хлипкий крючок.

Влетев внутрь, Алексей остановился в дверях, чтобы оценить обстановку. Дело было дрянь.

Мелких хищников было слишком много, только они явно не ожидали его увидеть. Он, как обычно, шел, чтобы встретить Тину, и тут его перехватила девочка, подрабатывающая в деканате. Совала в лицо какие-то бумаги, щебетала, предлагала пойти заполнить анкету и что-то еще.

В голове Алексея щелкнуло после слова «анкета». Стас, когда перечислял способы, которыми Моравский добивался девчонок, упоминал заполнение анкеты на сайте для проституток от ее имени. Почему триггернуло именно это слово, Алексей и сам не мог сказать, но он вдруг вгляделся в лицо щебечущей девы и спросил:

— На тебя тоже анкету заполнили?

И по тому, как побелело ее лицо, понял — заполнили. Прижали к стенке унижением, страхом и болью, а теперь пользуются, и юная душа уже пошла безобразными трещинами.

— Уйди, — коротко бросил парень и помчался навстречу Тине. Не успел.

Но теперь его появление стало неприятным сюрпризом для стаи.

— Тина, иди сюда, — ровным ледяным тоном сказал он так, словно за его спиной тоже стояла стая. И не стая шакалов, а стая волков.

Девушка попятилась, крепко сжимая разорван-

ный ворот платья.

— Никуда она не пойдет! — один из подонков стоял с телефоном и все снимал. — Девочка согласилась нас обслужить, видишь, даже из платья выпрыгнула! Сейчас отсосет всем, и отпустим, тогда можешь сам пользоваться!

Кровь ударила Алексею в голову. Он побагровел, шагнул вперед, но в ушах вдруг раздался треск дерева, волчий вой и голос Иды.

— Тина, еще два шага назад, осторожно, — медленно проговорил Алексей, обводя мелких, но зубастых зверят тяжелым взглядом.

— Стоять! — вперед выбрался Моравский и отдал приказ, подкрепив его чем-то таким, отчего у Алексея волосы встали дыбом, а Тина закашлялась.

Ситуация обострилась — стоило Алексею сделать шаг вперед, и стая набросится на него, попутно затоптав девушку. Выживут ли они? Возможно. Однако пропустят большой кусок учебы, потеряют доверие преподавателей и здоровье. Тина же не может идти, потому что борется с чем-то невидимым, что не дает ей вздохнуть. Что делать?

Молодой человек вспомнил, как однажды встретил в лесу медведя. Было страшно. Но не так,

как бывает страшно при виде, допустим, человека с ружьем. Этот страх был глубже, древнее. От него ломило зубы, и хотелось бестолково бежать с криками, но тогда рядом был отец. Он сказал:

— Стой спокойно. Не показывай страх. А теперь медленно иди назад. Медленно! И ошеломи зверя. Кинь в сторону камень, свистни, бахни ведром по елке! Сделай что-то неожиданное!

Воспоминания заняли краткий миг, и Алексей начал действовать:

— Тина, ты паспорт взяла? — спросил он.

Упоминание официального документа заставило стаю насторожиться.

— Зачем? — удивилась даже девушка.

— Так в ЗАГС идем же! — Алексей краем глаза отслеживал реакцию стаи. — По беременности быстро зарегистрируют, даже под Новый год!

Эти слова заставили подпевал задергаться.

— Идем быстрее, там Стас ждет! — поторопил ее Алексей, мысленно умоляя ее сделать еще шаг назад, чтобы он мог до нее дотянуться.

— А Стас уже здесь! — раздалось за спиной. — Позвали в ЗАГС и пропали! О, Тинка, ты чего такая чумазая?

Пока компания застыла, переваривая появление нового лица, друг оценил ситуацию,

поднырнул под руку Алексея, вытащил девушку в коридор, дернул Алексея за куртку и с грохотом захлопнул дверь, быстро заложив в петли пинцет:

— Бежим!

Они с грохотом рванули по коридору, выскочили на улицу, поймали машину и отвезли бьющуюся в истерике Тину к бабушке и деду.

Ситуация сложилась отвратительная. По сути, Моравский и его банда совершили покушение на изнасилование Тины, но… «нет тела — нет дела». Довести до конца они ничего не успели, а несколько царапин и порванная одежда — ну, пошутили мальчики, с кем не бывает!

Пока Ида купала в целебных травах, отпаивала успокоительным и переодевала Тину в пижаму, чтобы уложить в постель, Алексей, Стас и Константин беседовали на кухне, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Просто бить морду Моравскому и его прихлебателям бесполезно и даже вредно. Запись наверняка сохранили, она послужит доказательством злого умысла тех, кто попробует «подправить лицо» мажору.

Однако эта же запись легко может стать предметом шантажа. Если она появится во всех пабликах Академии, на Тину станут показывать

пальцем, и даже преподаватели поменяют свое отношение к студентке.

Мужчины пили крепкий чай и крутили варианты. Вскоре к ним присоединилась Ида.

— Все еще хуже, чем вы думаете. Нашу девочку пытались подчинить ментально. В ауре здоровенная брешь. Я стянула, что могла, но бесследно такие удары не проходят. Тине сейчас просто нельзя встречаться с этим мерзавцем. Расскажите мне еще раз, что произошло?

Выслушав Алексея и Стаса, Ида вынула из холодильника бутылку коньяка, лимон, молотый кофе, приготовила «николашку», налила всем по стопочке, предупредив:

— То, что я вам сейчас скажу, вам не понравится!

Мужчины дружно выпили, закусили лимоном с кофе и уставились на старшую ведьму.

— Алексей, вам с Тиной придется подавать заявление в ЗАГС!

Парень дернулся так, что снес декоративную полочку с пряностями, висящую над столом.

— Этот самый Моравский действительно черный маг. Он вцепился в Тину и сможет пить соки даже на расстоянии. Насылать черные сны, изводить страхом, в общем, мучить девочку. Но!

Смена фамилии и статуса сделает ее другим человеком. Хорошо бы еще вам в церкви венчаться, но даже регистрации в ЗАГСе хватит со сменой документов. А потом вам нужно уехать.

— Уехать?

— А чего ты так переживаешь? У тебя интернатура же? Все равно надо в больнице работать. Поедешь по программе земским доктором и Тину с собой заберешь!

— Да ей же учиться надо! — возмутился Алексей.

— Надо, — не стала отрицать Ида, — поэтому завтра мы оформляем Тине больничный, а после вашей регистрации под новой фамилией переводим ее в другую медакадемию. По семейным обстоятельствам. А к этой вашей мадам Моравской и ректору я сама схожу!

— Раз такое дело, для спасения девушки и я на ней жениться могу! — улыбчиво предложил Стас. — Это ведь не навсегда, а молодому специалисту с женой и жилье побольше дадут, и на дежурства лишний раз не поставят, все ж понимают — молодожены!

Алексей нахмурился и буркнул:

— Вы хоть Тину спросите! А то напридумывали, а девчонка не захочет ни замуж, ни уезжать!

— Тина этого Моравского на своей шкуре почувствовала, — покачала головой Ида, — она на все согласится, лишь бы с ним больше не встречаться.

— Все равно надо спросить! — упирался Алексей.

— Ну иди и спрашивай! — фыркнула Зинаида. — Она все равно не спит!

Молодой мужчина встал и вышел из кухни, а приемный отец и друг выразительно посмотрели ему вслед.

— Вот дубина, — вздохнул Стас, — ревнует, бесится, но сам себе не признается, что млеет по вашей Тине.

— Он ее суженый, — сказал Константин, — тот самый, которого на коне не объедешь. Так что чем больше уворачивается, тем крепче увязнет.

— А давайте я вам еще по рюмочке налью, да спать будем ложиться, — предложила Ида, — завтра дел много. И спасибо тебе, Стас, что ты прибежал. Все могло закончиться куда хуже!

— Да я сам не знаю, что меня вдруг дернуло. Домой же уже шел. Нет, вернулся и услышал Алексея!

— За дружбу! — все подняли крохотные рюмочки, пригубили коньяк, стараясь незаметно

прислушаться к тому, что происходило в комнате. А там…

Глава 25

Алексей пребывал в смятении. Все планы рухнули. Он собирался бежать от девчонки подальше, избегать ее, а вместо этого полгода встречался с ней каждый день. Его сны были такими яркими, что пару раз он просыпался в мокром белье, как пацан лет пятнадцати. И все же он верил в силу воли и в то, что через полгода уедет на интернатуру подальше и перестанет встречать боль своего сердца. А теперь он должен предложить ей брак!

Молодой мужчина колебался ровно до того момента, пока в «женихи» не стал набиваться его лучший друг. Ревность ударила в голову до алых искр перед глазами! Ее! Хрупкую, нежную, сильную — отдать? Другому? Да там, в подвале, он едва не ринулся с рыком на зубастую стаю, только страх за нее удержал на месте и помог выбраться из ситуации.

А теперь Алексей отчаянно трусил, потому что шел предлагать Тине… себя.

Девушка лежала на диване, укутанная в одеяло, и ее лицо казалось белым, как наволочка. Только

серые глаза нездорово сверкали.

— Тина, ты как? — помявшись, Алексей присел на стул.

— Плохо, — девушка нервно облизнула пересохшие губы, — хочу уснуть, но не могу! Только глаза закрою, снова этого гада вижу!

Парень встрепенулся — это ведь то самое, о чем говорила Ида!

— Послушай, твоя бабушка сказала, что этот Моравский…

Алексей пересказал слова Иды и добавил:

— Я хочу защитить тебя и предлагаю стать моей женой. Формально. Пока не минует опасность.

Тина встрепенулась:

— А… учеба?

— Переведем тебя в другой город, поближе к бабулиной избушке. Я туда на интернатуру поеду и потом останусь.

— А как же мама, папа?

— Будем навещать или они к нам приедут. Сейчас важнее тебя от этого упыря прикрыть…

Девушка прикрыла глаза, помолчала, вздохнула, поерзала на подушке, потом прыснула и согласилась!

— Тогда завтра пойдем заявление подавать. Сегодня двадцатое уже, скажем, что беременная…

Ты на неторжественную регистрацию согласна же?

— Согласна, — вздохнула Тина, — это ведь не навсегда!

Почему-то эти слова больно резанули Алексею сердце.

Он просидел рядом с девчонкой, держа ее за руку, пока все устраивались спать. Ему постелили на полу рядом с ней, и он продолжал держать руку Тины, пока она не уснула.

Утром старики развили бурную деятельность. Константин и Стас отправились в Академию — выяснять ситуацию. Ида, Тина и Алексей поехали в ЗАГС. Там бабуля встретила старую знакомую и, потрещав с ней «за жизнь», вынесла внучке и ее жениху заявления:

— Заполняйте. Сейчас вас зарегистрируют, штамп Тине поставят, и поедем паспорт менять.

— Паспорт долго будут делать… — вздохнула Тина, вспоминая свои мытарства с первым документом.

— Справимся. Сначала в фотоателье зайдем, потом все остальное!

Действительно, через десять минут их позвали в комнату с письменным столом, показали, где расписаться, и поздравили с регистрацией

брака.

Получив на руки розовый листочек «свидетельства», Тина, кажется, впала в ступор.

Тут еще отзвонились Стас и Константин, сообщая, что в Академии все тихо. Алексей, взяв такси, умчался на занятия, а Тина с бабушкой отправились делать фотографию, подавать документы на новый паспорт, потом в поликлинику за справкой.

Только к вечеру они вернулись домой, уставшие, иззябшие, зато нагруженные шампанским, тортом и мандаринами. Как ни крути — Тина вышла замуж, и надо было этот факт отметить.

Мужчины тоже были уже дома.

Поздравив молодоженов и выпив по бокалу, сели ужинать.

Обсудив день в Академии, решили, что Моравский затаился и ждет ответного хода. Подлостей он может устроить немало, но рискнет ли он лезть к сыну преподавателя? Тина свое родство с Константином скрывала, а вот Алексей отвертеться не мог — фамилия-то одна! Может, Моравский поостережется? Только бы маменька его не вмешалась в процесс оформления бумаг!

Свадебные колокольчики прозвонили неслышно, но ведь надо еще и родителям Тины сказать о

смене статуса их дочери! Тут без помощи бабушки никак было не обойтись. Решили сообщить родителям на следующий день. Стас сочувственно похлопал друга по плечу, Алексей хмурился, понимая, что Катерина Константиновна не будет рада такому браку, а Тина вообще стучала зубами. После штампа в паспорте ее начало немного потряхивать, а к вечеру совсем затрясло. Нет, Алексея она не боялась — он был слишком хорошо воспитан, чтобы приставать к девчонке, ставшей его женой ради спасения. Но ее все равно трясло, морозило, и вскоре даже зубы застучали.

— Ах ты гад! — дед вдруг подскочил на месте и пошел по тесной кухне кругами, размахивая руками и ногами не то в древнем танце, не то в драке.

Бабушка подскочила, захлопнула форточку и зажгла свечи, стоящие будто для красоты на подоконнике. Что-то темное пометалось по кухне и с жуткой вонью смылось в слив раковины. Ида ловко плеснула туда полынной настойки из аптечного пузырька, и все успокоилось.

— Скотина! — уставший дед упал на табуретку и одним глотком выпил полкружки остывшего чая.

— Даже спрашивать не хочу, что это было! —

пробормотал Стас, внезапно вспомнивший, что он крещеный, православный и даже знает молитву «Отче наш».

— Моравский это. Только не младший, а старший. Приходил посмотреть, во что его щенок ввязался, — устало сказал Константин. — Видно, этот упырь тогда Тину поцарапал, вот на коже и крови наговор и слепили… Ничего, когда там паспорт новый получать?

— Завтра, — сказала Ида, — я ускоренную замену оплатила. Наплела там девочкам о скором отъезде в свадебное путешествие. Еще и загранпаспорт заказали.

— Вот и правильно. Сейчас я этому мракобесу отлуп дал, авось не сунется, а там и Тину увезем!

Все тяжело вздохнули и отправились спать. Вернее, так показалось. Спать легли Тина, Алексей и Стас. А Ида и Константин остались на кухне. Самая длинная ночь в году — время не только для праздника, но и для изготовления амулетов. Особых. Прогоняющих тьму, призывающих свет.

До рассвета они возились на кухне, собирая кожаные ремешки, бусины, палочки из самшита и можжевельника, выжигая и выписывая на плоских кругляшках руны и охранные знаки.

Утром всех троих ждали подарки. Стас и Алек-

сей получили широкие кожаные браслеты, украшенные металлическими и деревянными бусинами, медальоны на кожаных шнурках и булавки-фибулы.

— Браслеты можно на ноги надеть, — инструктировала их зевающая Ида, — медальоны лучше на шею. Булавки хоть к изнанке халата приколите, главное, чтобы были! И вот это в карманы суньте!

В карманы мужчины рассовали мешочки с вышитыми символами, заполненные пряностями — солью, перцем, гвоздикой, а также сухими травами вроде чертополоха, крапивы, девясила — все, что могло отогнать зло. Точно так же «вооружился» и Константин.

Тину украшала бабушка. Серьги с лисьими мордами, заколка в рунических знаках, бусы из каменной крошки на шее, браслеты, пара колечек — немного избыточно для юной девушки, но поскольку украшения все были из натуральных материалов и очень простые, выглядело неплохо. Главным же «оберегом» стало обручальное кольцо, которое успели купить в ЗАГСе.

Мужчины отправились в Академию, а женщины — за паспортом.

Потом Тина вместе с бабушкой пришла в дека-

нат, и там за несколько часов оформили перевод в другой институт по обмену. Что бабуля сказала ректору и почему тот лично вышел в приемную и стоял над душой секретаря, пока она оформляла бумаги, Тина не знала, но подозревала, что бабуля воспользовалась своим ведьминским даром, потому что мать Моравского тряслась, как мышь под веником, но делала все быстро.

Часа через два Ида и Тина покинули Академию с папкой документов на новую фамилию.

Не давая внучке опомниться, старшая ведьма набрала номер Алексея:

— Мы закончили с бумагами. Пора сообщать родителям! Встречаемся у нашего дома через час!

Алексей не опоздал. Явился хмурым и подтянутым. Показал бабуле порванный браслет с рассыпанными бусинами.

— Моравский, похоже. На входе в корпус внезапно рассыпался.

Ида глянула мельком:

— Поправим или новый дадим. Вчера с запасом сделали. Тебе еще полгода учиться. Идем, не будем время тянуть!

Конечно, с мамой случилась истерика. Папа хмуро молчал, когда ему объясняли, что брак «понарошку», но Алексей все равно за Тиной

присмотрит, а пока с нею будет бабушка. Алексей мялся и смущался, но Тину крепко держал за руку.

Оказывается, с его молодой жены в Академии осыпались бусы, порвалось два браслета, и даже заколка, хрупнув, сломалась. Бабушка выдала внучке новый комплект украшений, но предупредила Алексея, что раз они теперь муж и жена, их амулеты будут усиливаться в паре. Вот и держался он за свое хрупкое сокровище — берег.

В итоге свадьбе был рад только Артемка. Юный маг счастливо забрался сестре на колени, обслюнявил ее новые бусы, потрогал обручальное кольцо и крепко обнял. Алексею достались подозрительный взгляд и конфетка.

Ночевать «молодожены» ушли к бабушке. Мама пыталась воспротивиться и оставить Тину дома, но бабушка строго на нее посмотрела:

— Это не дурные телесные игрища, Катя, это защита! Тина и Алексей все прекрасно понимают и глупостями заниматься не будут. У нас им обоим безопаснее, а у тебя ребенок!

Вспомнив про Артема, мама, скривив губы, отпустила дочь, крепко обняв ее на прощание.

Ночь Алексей и Тина провели на диване, выставленном в середину комнаты и обведенном

тремя кругами — из соли, из пепла и заговоренных трав. Утром, заменив браслеты, молодой муж ушел на учебу, а Тина с бабушкой отправились на вокзал — им предстоял долгий путь в соседний областной центр.

Глава 26

Вы когда-нибудь пытались снять в городе жилье под Новый год? Да еще с котом и кошкой в переносках? Даже не пытайтесь. Все приличные «хаты» сняты для развлечения компаниями. Простенькие «студии» снимают студенты и приезжие гости, обширные апартаменты захвачены любовниками, желающими провести праздники под одной крышей. В общем, задачка нетривиальная.

Ида решила ее просто — отыскала кого-то из старых знакомых, обрисовала ситуацию и получила ключи от дачного домика. Точнее, от обыкновенного деревенского дома с печкой, колодцем и туалетом на улице.

Дом протопили, поставили внутри биотуалет, а воды двум женщинам зимой надо не так уж много — пару раз на колодец сходить, и хватит.

Сразу после приезда они отправились к ректору, и в тот же день Тина знакомилась с новой группой. Все произошло так стремительно, что ей казалось, будто это страшный сон.

Однако сон не кончался. Она успела посетить

несколько лекций, взять вопросы к первой сессии, отметить с бабулей Новый год и въехать в новую съемную квартиру, когда к ним внезапно приехал дед с новостями.

Назвать их хорошими не поворачивался язык. Потеряв Тину из виду, младший Моравский пошел вразнос. Сам засветил видео, которое сняли в подвале, сам хвастался, что девчонка после такого позора приползет к нему, а потом на камеру провел ритуал, с помощью которого собирался привязать Тину к себе.

Вот только видео попало в местные новости и очень быстро стало вирусным. Все «деточки», засветившиеся на нем, получили от родителей жесточайший отлуп и официальное разбирательство с компетентными органами. Моравского-младшего пригласили на психиатрическую экспертизу (сатанинские культы в России запрещены), и Моравский-старший ничего не мог с этим поделать — пасынок впал в буйство и сам на себя наговорил такого… А потом внезапно заговорили его жертвы…

— Младший поймал откат от своих упражнений в темной магии, пока диагноз «шизофрения», дальше видно будет, — рассказывал дед. — Старшего на службе ждет комиссия. Ректор получил

пистон. Секретарь уволена, декан фармы ушел по статье «превышение полномочий». Лешка сейчас быстро дописывает диплом, постарается все сдать в первых рядах. Его несколько раз вызывали как свидетеля, пытались Тину притянуть, но твой муж жестко сказал, что его жена получила моральную травму и разговаривать с этими уродами не будет. Ссылается на твое слабое здоровье.

— Костя, — всплеснула руками бабушка Ида, — как ты это все устроил?

— Да как, — отмахнулся дед, — эти Моравские совсем обнаглели. Хартии древние не блюдут, налоги в орден не платят… Вот я в рамках разрешенного и напомнил о них всем, кому надо! И амулетики подложил. Девчонки, над которыми издевалась та компания, ощутили смелость. Парни, которых обирали — обрели храбрость. Ректор увидел последствия, а декан… Нечего к детям гнилье подпускать!

Ида обняла мужа и долго шептала ему на ухо, как она им гордится.

Тина потихоньку ушла в комнату и легла с учебником на диван. Она была рада приезду деда, но ей отчаянно захотелось увидеть Алексея! Так захотелось, что даже слёзы на глазах выступили!

Вдруг рядом булькнул телефон. Алексей написал ей! В одном из мессенджеров! Должно быть, дед дал ему ее новый номер! Прислал забавную фотографию из анатомички, спросил, добрался ли дед, пожаловался на то, что приходится носить браслеты на ногах, а это не всегда удобно.

Тина утерла слезы, улыбнулась и принялась отвечать. Скинула фотографию из аудитории, показала парой кадров их с бабулей скромное жилье, пожаловалась на то, что вопросов к экзамену слишком много, а времени осталось мало.

Очнулась только тогда, когда часы с кукушкой пробили полночь. Зевнула. Отправила смайлик-поцелуй и пожелала мужу спокойной ночи. Почему-то в эту ночь Тине спалось куда спокойнее и крепче, чем прежде.

Наутро дед уехал. У него тоже начиналась сессия, да и оставлять Алексея без магической поддержки было нельзя.

Тина сдавала сессию, зубрила, читала, повторяла вслух и не снимала наушников с лекциями, но все равно находила время написать Алексею несколько строк, пожелать «спокойной ночи» и «доброго утра».

Он в ответ присылал фотографии «интересного» из травмы, старался шутить, хотя уставал до

того, что засыпал стоя, но все же старался интересоваться жизнью юной жены.

Незаметно пришла весна. Потом лето. Тина проходила практику в местной больнице — крутила ватные тампоны, подавала бинты и инструменты, мыла пробирки и полы — до большего первачков не допускали.

В тот день она как раз домывала шваброй пол в кабинете и уже подошла к самому порогу, как ее кто-то аккуратно схватил за талию. Не поворачиваясь, Тина засветила локтем назад и тут же услышала обиженное:

— Ты что! Я хотел тебе сюрприз сделать!

— Алеша-а-а! — выронив швабру, Тина повисла на шее у мужа. — Как ты здесь? Когда? Надолго?

— Надолго, — улыбнулся он в ответ. — Я получил диплом и переведен интерном в местное кардиохирургическое отделение! Отец там продает квартиру и переезжает сюда!

— Ура! — Тина снова обняла Алексея, старательно не думая о том, что ей приятно его обнимать. Он так вкусно пахнет. Такой большой и теплый, а ей так хочется прижаться к нему и пропитаться его силой!

— Ты закончила? Идем? — спросил Алексей.

— Да, уже домыла. Сейчас отмечусь в журнале и

могу идти! — радостная Тина быстро выполнила все необходимое и поскакала вслед за мужем.

Идти домой к бабушке не хотелось, а на улице стояла удушливая июльская жара, так что они свернули в ближайшее кафе. Взяли мороженое и кофе и засиделись с разговорами до темноты.

Алексей сказал, что ему дали комнату в семейном общежитии. Комната небольшая и абсолютно пустая, зато с собственным санузлом и душем.

— Дед говорил, что нам с тобой надо чаще бывать рядом, чтобы амулеты работали. Поэтому… может, ты будешь жить со мной? Я куплю две кровати!

— Бабушка тоже говорит, что нам надо быть ближе, — вздохнула Тина. — Она опасается, что Моравский-старший решит отомстить. Или просто пришлет кого-то. Только куда я Марфу дену?

— Мне будет спокойнее, если ты будешь рядом, — признался Алексей. — Я там чуть не сдох от беспокойства! Хорошо, что ты писала каждый день! А Марфа… может она пока у бабушки поживет? Мы все равно будем в гости приезжать. Нельзя в общежитие с животными!

Тина вздохнула и поежилась. Ее кошка была ее помощницей и защитницей, ее утешительницей

все это время. Но ведь у бабушки Марфе будет спокойнее? А когда они переедут в свое жилье или на съем, то заберут Марфу к себе!

— Я согласна! Но Марфу будем часто-часто навещать!

Алексей молча кивнул, боясь спугнуть свою радость. Он знал, как Тина привязана к своей кошке и даже не надеялся ее уговорить.

— Давай завтра съездим, посмотрим комнату и купим все нужное, а сегодня ты у нас переночуешь? — предложила девушка.

— Да, так и сделаем. Я вещи пока к Иде закинул и за тобой пошел…

Уже через неделю молодые въехали в общежитие.

Поначалу это было странно — жить вдвоем, без «взрослых». Самим организовывать время, самим готовить еду, прибирать, делать закупки, тратить невысокую зарплату и крошечную стипендию. Но жили Алексей и Тина дружно, много смеялись, иногда ужинали «дошираком», когда не было сил что-то готовить, и обязательно раз в неделю являлись на семейный обед к бабушке с дедом. Ели, рассказывали об учебе и работе, передавали приветы семье и убегали в общагу с парой пакетов пирожков, булочек, салатиков

в контейнерах и прочих припасов. На неделю их, конечно, не хватало, но хотя бы день-два получалось обойтись без готовки, а потом Тина варила борщ или щи — огромную кастрюлю, или пекла огромный мясной пирог, чтобы хватило на остаток недели. Все равно не хватало, но ей было приятно видеть, как Алексей ест, придя с работы.

Нередко они лежали рядом на своих кроватях и читали конспекты, изучали новинки литературы или слушали лекции. Между ними не было супружеской близости, зато углублялась близость дружеская. Пожатие рук, объятия, поцелуи в щеку — все это становилось обыденностью и нормой. Порой они лежали в обнимку под двумя одеялами, чтобы не замерзнуть, и смотрели новую комедию на ноутбуке. Иногда Тина, мучаясь от боли, просила купить ей кое-что гигиеническое, а через неделю Алексей умолял жену забежать в аптеку по дороге с учебы и закупить ему коробку перчаток, упаковку масок и несколько дюжин шприцов — для тренировки.

Отправляясь в магазин, девушка не забывала купить любимое Алексеем галетное печенье. Он в свою очередь покупал своей ведьме миндаль, который она обожала грызть, зубря лекции.

Они знали предпочтения в шампунях и зуб-

ной пасте, прихватывали с прилавка вторую булочку или стакан латте. Порой восторженно восклицали:

— Ах, какая девушка! Тине срочно нужна такая же куртка!

— Ах, какой мужчина! Алеша, тебе надо купить новые джинсы!

Глава 27

Время бежало неумолимо, и однажды, отмечая Новый год в компании друзей, Алексей и Тина поцеловались под бой курантов. В губы. Они застыли, недоверчиво глядя друг на друга, а вокруг шумели друзья, обмениваясь поздравлениями.

— С Новым годом! — шепнула Тина и облизнула внезапно пересохшие губы.

— С Новым годом! — ответил Алексей.

А потом они поцеловались снова! И опять! И целовались бы дольше, но все вокруг засмеялись и потянули парочку к столу.

Они пили шампанское, ели салаты, обменивались горячими взглядами и обещали-обещали-обещали! Каждым взмахом ресниц. Каждым касанием губ.

В конце концов они сбежали с вечеринки, примчались в свою комнату, сдвинули две кровати и… уснули, обнявшись.

Во-первых, перенервничали и устали, во-вторых, Алексей не хотел, чтобы первый раз Тины был «под шампанским», а в-третьих… у него не было презервативов! Алексей же, как доктор,

прекрасно понимал, что для зачатия достаточно и одного раза, а ребенок мог поломать их и так уже поломанные планы.

Они проснулись в полдень и были страшно смущены. Тина особенно. Она вдруг снова превратилась в очень юную и очень смущенную девушку, а не вполне взрослую второкурсницу. Алексей тоже чувствовал себя неловко — перегар, щетина, ему хотелось предстать перед любимой в опрятном и романтическом виде, но…

— Чур, я первая в ванную! — пролепетала ведьма и рванула в санузел, закутавшись в простыню.

Алексей приподнялся над подушкой и застонал. Вокруг сдвинутых кроватей валялась одежда. Вся. Он лежал под простыней голый, и, судя по его воспоминаниям, Тина удовлетворила свое любопытство относительно его анатомии. Он, правда, тоже… слегка. Ну да, ее бюстгальтер болтается на люстре, а трусики почему-то лежат на подоконнике. Платье под подушкой — оригинально. А куда делся его костюм?

Костюм и белье нашлись в кресле. Как он умудрился снять брюки и трусы одновременно? Ах, Тина помогала… Ох, чертовка!

Когда притихшая Тина выбралась из ванной,

Алексей уже восстановил всю цепочку событий, поэтому подошел к ней, приобнял и шепнул:

— Мне очень жаль, что у меня не нашлось презервативов! Сегодня же куплю! Ты же позволишь?

Тина закусила губу, кивнула, потом подняла на мужа испуганные глаза:

— Только мне все равно страшно!

— А мы будем бояться вместе! — сказал Алексей и ушел принимать душ. Все же рядом с молодой женой надо быть подтянутым и красивым!

Сессию Тина сдала досрочно, так что в первый день нового года они просто гуляли по пустым улицам. Заглянули в аптеку, зашли на елку, побродили по нарядно украшенным аллеям парка, засыпанным конфетти и серпантином.

Купили набор пирожных, суши, мясную нарезку и бутылку сидра. Вернулись в общежитие, заперли дверь покрепче и остались вдвоем.

Тина и правда дрожала. Алексей решил, что спешить не стоит, поэтому они застелили сдвинутую кровать свежим бельем — «семейным» комплектом. Разложили на покрывале коробочки с пирожными и роллами, разлили по бокалам сидр и стали смотреть романтическую историю о глупенькой девочке и мудром вампире.

Алексей уложил Тину себе на плечо, приобнял и вздохнул. Юная, вкусно пахнущая девушка рядом — то еще испытание для мужской психики. Но он решил, что первый раз должен быть незабываемым и для нее. Поэтому продолжал лежать, прикрыв неприлично натянувшиеся домашние штаны ноутбуком.

Так прошло минут сорок. Потом Тина сбегала в ванную и вернулась не в джинсах и футболке, а в прехорошеньком комплекте из шелковой маечки на тонких бретельках и коротких кружевных шортиках.

— Тина! — простонал Алексей. — Ты меня убиваешь!

Девчонка с лукавой улыбкой покрутилась на месте:

— Тебе нравится?

— Так нравится, что я сейчас взорвусь! Если хочешь досмотреть свое кино, ложись рядом, накройся одеялом и замри!

Тина растеряла накопившуюся было храбрость и тотчас легла, накрывшись одеялом.

Алексей вздохнул, убрал с кровати посуду, поставил ноутбук на стол и скомандовал:

— Смотри! Не отвлекайся! — потом стянул футболку, оставив для надежности штаны на месте,

и полез под одеяло. Тина пискнула, когда его руки легли на ее бедра.

— Смотри кино! — строго сказал Алексей, принимаясь осторожно стягивать шортики со стройных девичьих ног.

О, следить за происходящим на экране Тина определенно не могла! Руки Алексея неспешно скользили по ее ногам — щекотно, нежно, плавно. И, как-то незаметно зацепив резинку, стянули кружевной соблазн к самым лодыжкам. А потом и ниже! Большие и теплые мужские руки теперь не просто гладили — разводили сжатые в панике ноги!

— Ну, что ты так испугалась, моя хорошая? — шептал Алексей, продолжая легкие поглаживания.

Он не спешил. Наслаждался, любовался, то и дело касался поцелуем чувствительной кожи, рисовал языком влажные «дорожки» и шептал разные любовные глупости в надежде расслабить девушку.

Тина сначала сжималась вся, как пружинка, тихонько вскрикивала, пряталась в подушки, но через некоторое время вдруг нетерпеливо застонала, сама раскинула ноги и выгнулась навстречу губам мужа.

— Лакомка, — тихонько рассмеялся Алексей, ласково проводя языком по нежной розовой щелке.

Тина вздрогнула и попыталась отстраниться, но мужчина удержал ее на месте:

— Не бойся, я буду очень нежным. Просто говори мне, где тебе нравится больше!

А дальше он начал играть на Тине, как на гитаре перед настройкой — о, здесь вздох громче, а здесь влажный стон, а если погладить тут, пальчики на ногах девушки поджимаются сами собой в желании прижаться ближе!

Заласкав, занежив юную ведьму, Алексей не стал спешить и наваливаться на нее. Все же рядом с ним она казалась особенно хрупкой и нежной. Чтобы не напугать Тину, он вытянулся рядом с ней на постели, стянул мягкие домашние штаны вместе с бельем и спросил:

— Хочешь меня потрогать?

В затуманенных желанием глазах появился интерес. Конечно, Тина успела потрогать мужа в новогоднюю ночь, но все же это было почти тайно и очень смущало. Теперь же в комнате царил приятный полумрак, в ноутбуке мелькали кадры следующей серии, и Алексей лежал рядом, вытянувшись во весь рост — обнаженный и…

манящий.

О, это оказалось так ново! Касаться везде, где и как хочешь! Хочешь — руками, хочешь — губами. Заигравшись, Тина лизнула плоский коричневый сосок мужчины, и ей понравилось, как он вздрогнул. Она лизнула второй — эффект был уже не такой потрясающий, и тогда она его прикусила! Это произвело отличный эффект! Та-а-ак, что можно попробовать еще?

В конце концов, немного утомившись дотягиваться до интересных точек, Тина просто забралась на Алексея и распласталась на нем, как лягушка на каймане. Заглянула в глаза, коснулась губами губ…

— Малыш, ты рискуешь, — хрипло проговорил он, сжимая в руках простыню.

— Чем же? — Тина вдруг ощутила свою власть над этим крупным и напряженным мужчиной и потому, слегка кокетничая, облизнула губы.

Это стало последней каплей! Алексей с рычанием накинулся на нее, целуя и щекоча, подмял под себя, потом остановился, чмокнул в нос и сказал:

— Будешь моей женой?

Тина сглотнула и храбро ответила:

— Да!

Тогда Алексей щелкнул пакетиком и, не отводя

глаз от жены, надел колпачок на самый кончик, медленно раскатал его, потом закинул ноги Тины себе на спину, погладил нежный холмик, сожалея, что не приготовил смазки, и, аккуратно преодолевая сопротивление мышц, толкнулся в глубину, надеясь, что не причинит особой боли.

Увы, интерес на лице девушки быстро сменился болезненной гримасой. Она невольно попыталась оттолкнуть мужа, и он остановился.

— Тс-с-с, моя хорошая, не шевелись! Сейчас будет легче.

Тина послушно замерла, и Алексей, стараясь не шевелить нижней половиной тела, принялся ее отвлекать, щекотно целуя шею, лоб, щеки, постепенно подбираясь к губам, чтобы втянуть жену в горячий поцелуй и тем отвлечь ее от всего происходящего. Маечка на тонких бретельках давно моталась у горла, не оставляя просторов воображению, и Алексей воспользовался моментом — уткнулся в манящие холмики, со стоном принялся ловить и чуть прикусывать соски и добился своего — Тина выгнулась, забыв о боли, дернулась, однако новая порция эндорфинов смела неловкость, и вскоре они начали потихонечку раскачиваться в едином ритме, стремясь навстречу друг другу.

Первый оргазм накрыл юную ведьму внезапно — вот только что она, задыхаясь, металась, словно в лихорадке, не понимая, чего ей так не хватает, и вот она уже на гребне волны, а следом идет бесконечное падение, и крупные капли пота со лба Алексея пятнают подушку над ее плечом.

— Ты лучшая! Ты самая прекрасная женщина на свете, моя маленькая жена!

— Я не маленькая! — на глазах вскипели слезы, и Тина неожиданно для себя стукнула мужчину кулаком в плечо.

— Ты моя самая любимая и прекрасная жена! — сказал Алексей, сгребая жену — теперь уже совершенно точно жену! — в объятия.

Ему невероятно хотелось спать и смеяться. Тискать Тину, как плюшевого мишку, и любоваться ее заострившимся от переживаний лицом. Его раздирали эмоции, которых он прежде не испытывал даже на сеновале в шестнадцать лет, рядом с «горячей» вдовушкой с соседней молочной фермы. Алексей успокоил несколько самых бурных потоков, притянув Тину поближе к своему боку и закутав ее в одеяло. Пусть поспит. Ей нужно отдохнуть после бурной ночи. А завтра… Вот завтра он обязательно покажет ей, как женщина может быть сверху! Чтобы полюбоваться ее грудью и

снова уткнуться в нее лицом!

Тина тоже устала и закрыла глаза. Для нее все произошедшее было, пожалуй, избыточно. После того лета, когда она отчаянно и безнадежно влюбилась в Макса, юная ведьма держала эмоции в узде, а тут…

Зато Алексей теперь весь ее! Весь-весь! И не надо будет присматриваться к его коллегам и молодым преподавательницам! Можно будет сорвать поцелуй в уголке, во время прогулки или прижаться к нему на диванчике в кафе! Вдохнуть аромат его парфюма и тут же сладко куснуть такую аппетитную крепкую шею! В таких мечтах Тина уплыла в сон и не видела, как разгорается ее внутренний огонек — сила, перешедшая к ней по наследству, наконец получила возможность расти.

Глава 28

Утром Алексей разбил смущение Тины поцелуем в нос:

— Вставай, жена, идем готовить завтрак!

Тина захихикала, но все же сначала отправилась в ванную, где и обнаружила розовые следы поцелуев на коже, слегка стертые губы и неприятно ноющий живот. В первые минуты одиночества за душевой занавеской она растерялась, потом в ней проснулся медик. Тщательно вымывшись, девушка налепила на живот обезболивающий пластырь, обработала следы засосов специальной мазью, а губы обильно смазала бальзамом. Причесалась, скрутила влажные волосы в пучок и вышла из санузла в легкомысленном халатике и уютных пушистых тапочках. Собственно, ровно так же она одевалась дома и вчера, и третьего дня, но сегодня эта одежда казалась ей чем-то особенным. Символом семейной жизни.

Пока жена осваивалась с изменениями в своем теле, Алексей собрал одежду и забытую еду, закопал в корзине с бумажным мусором пакетик и презерватив, проветрил комнату, натянул штаны

и футболку и даже успел достать из маленького холодильника хлеб, варенье и сыр, чтобы выпить с женой чаю. Вообще-то, у него оставалось минут сорок до начала дежурства, да и Тину ждали два экзамена, но Алексей желал полностью насладиться своим женатым состоянием.

Когда молодая жена выпорхнула из ванной — в том же халатике, с тем же пучком, что всегда, Алексей сделал то, что давно хотел — шагнул навстречу, обнял, склонился, заглядывая в глаза, и поцеловал. Крепко-крепко поцеловал манящие губы.

— Доброе утро, жена! — шепнул он.

— Доброе утро, муж! — ответила Тина и крепко стиснула его в объятиях.

— Собственница, — довольно хохотнул Алексей. — Давай быстро завтракать, мне бежать пора.

Немного огорчившись вторжением реальности в их уютный мирок, Тина села к столу и смела половину приготовленных бутербродов.

— Красавица моя! — Алексей чмокнул жену в макушку, схватил пакет с халатом и кроксами и рванул на работу.

Тина помыла посуду, смахнула крошки и тоже засобиралась — путь ей обещан «автомат», по-

явиться на экзамене все равно надо. Подпись в зачетке сама себя не поставит!

На следующий день они отправились в гости к бабушке и деду. Старики сразу засекли изменения в жизни молодых, но отнеслись к этому скорее одобрительно. Тина цвела, тискала Марфу и что-то шептала кошка на ухо. Алексей выглядел расслабленным, и в целом жизнь радовала, но вдруг в окно стукнулся голубь. Дед нахмурился, спешно вынул свой смартфон, что-то прочитал и нахмурился еще сильнее.

Оказывается, младший Моравский давно сидел на запрещенных веществах, причем каких-то редких и синтетических. В больнице ему помогли пройти через «ломку» и даже почистили организм с помощью диализа и специальных препаратов. Однако химия эта оказалась такой лютой, а организм «черного мага» таким изношенным, что в один день отказали почки, скопилась жидкость в легких, а там и сердце отказало. Спасти его не смогли.

Мать парня сошла с ума и, обвинив во всем Тину, решила вершить праведную месть. Почему-то ее бормотание на похоронах сочли шуткой, но старый приятель деда написал ему, что горюющая мать исчезла из города, а вместе с ней исчез

пистолет из сейфа Моравского-старшего. И какие-то амулеты. Скорее всего, тоже запрещенные и опасные.

Причем отчим погибшего студента не собирался сообщать обо всем этом в полицию. Туда позвонила домработница, обнаружившая открытый сейф. Она подумала, что дом ограбили, и только в процессе сбора улик выяснилось, что пропало.

Мадам Моравскую объявили в розыск, но дед и Алексей понимали — ускользнуть от полиции можно, к тому же у женщины была приличная фора.

— Тина, ты снова всюду ходишь под присмотром. Сдается мне, Моравский не просто так жене код от сейфа назвал.

Девушка насупилась, но бабуля мужчин поддержала:

— И чего ты дуешься? Экзамены сдашь, и будем с тобой твои силы осваивать. Прибыло изрядно, можно будет попробовать лекарства силой наполнять. Да и травники полистать, тут травы немного другие растут. Еще в ботсад сходим, там, говорят, коллекция пополнилась, есть на что посмотреть.

— Главное — телефон под рукой держите и

амулеты не снимайте, — напомнил дед.

— А почему ты считаешь, что Моравский специально жене сейф открыл? — спросил Алексей.

— Я тут узнал о нем немного… Он колдун из родовых. Должен был передать силу и знания, но детей у него быть не может. Нашел женщину с ребенком подходящего склада, женился и стал из пасынка растить черного колдуна. Да только раньше таких детей далеко от людей воспитывали. Приучали к одиночеству, давали знания постепенно, многое передавали только во взрослом возрасте. А Моравский то ли спешил, то ли надеялся, что его сил хватит преемника удержать, заморачиваться с уединением и аскезой не стал. Парень быстро усвоил безнаказанность и начал куролесить. Смерть преемника сильно ударила по Моравскому и уронила его авторитет. Нет ученика, нет наследника — нужно все начинать сначала. Процесс небыстрый. Да и не верю я, что сейф в доме черного колдуна не был защищен дюжиной проклятий. Скорее всего, Моравский собрался таким образом нам отомстить и от жены заодно избавиться. Даже если ее перехватят, ей светит психлечебница как минимум. а там уж он поспособствует, чтобы она никогда оттуда не вышла.

— Страшно как! — поежилась Тина, обнимая себя за плечи.

Алексей тут же притиснул ее к своему боку:

— Не пугайся, мы рядом!

Чтобы смыть неприятное послевкусие от новостей, бабушка выставила на стол пирог, разлила по чашкам душистый чай, и все очень уютно посидели за столом. Обратно в общежитие молодые поехали на такси — для безопасности. Старики не стали предлагать молодоженам заночевать у них — понимали. Но все же дед обеспокоенно хмурился.

Мало что замечая вокруг, Тина выпорхнула из машины, опираясь на руку Алексея. Обнявшись, они зашли в общежитие и уже направились к лифту, когда их окликнули из будочки коменданта:

— Смертины, вас тут какая-то дамочка спрашивала. Странненькая.

Алексей и Тина переглянулись, и мужчина проникновенно сказал:

— Олимпиада Викторовна, пожалуйста, не пускайте эту сумасшедшую сюда! Это мать одного очень неприятного типа. Она решила, что Тина виновата в том, что ее мальчик стал наркоманом, и жаждет отомстить. Если она опять появится

— вызывайте полицию. Она в розыске!

— Да вы что? — изумилась комендант. — Хорошо, буду знать!

Настроение немного подпортилось, но все же Алексей и Тина поднялись к себе, разобрали пакеты с припасами и уютно устроились на своей сдвоенной кровати.

— Чем займемся? — лукаво взглянул на супругу Алексей.

— Физиологию повторим? — с такой же лукавой усмешкой предложила Тина.

— Лучше анатомию! — фыркнул муж, нависая над хохочущей женой. — Раздел «половые органы»!

Смеясь и катаясь по кровати, они вдруг перешли от щекотки к поцелуям, а там уже ночь стыдливо накинула свое покрывало на супружескую постель.

Эпилог

Две недели сессии Тина всюду ходила с бабушкой или дедом. Чаще, конечно, с Алексеем, но у того в праздничные дни на дежурствах была «самая жара», поэтому виделись они только в общежитии. Зато каждая встреча была яркой, нежной и страстной. Они любили друг друга хоть днем, хоть ночью, и прежняя дружеская близость добавляла к их страсти бережности и внимания друг к другу.

В тот день Тина окончательно устала от «домашнего ареста» и решила сбегать в магазинчик, расположенный рядом с общежитием — ей не хватало молока и яиц для задуманной валлийской запеканки.

Накинув курточку поверх уютной и теплой пижамы, девушка, размахивая пакетом, сбежала по ступенькам и вдруг увидела Алексея!

Муж стоял напротив грязной до невозможности женщины в потертой норковой шубе. Та что-то говорила, размахивая пистолетом. Тина не слышала, но паника на миг накрыла ее с головой — это же Моравская! Из элегантной, ухоженной

женщины «чуть за сорок» она превратилась в бомжиху! Всклокоченные волосы, грязные руки с облупившимся маникюром — и пистолет! А еще гроздь чего-то черного, пугающего в другой руке.

Тина подошла ближе.

— Я знаю, как отомстить этой девчонке! Так, чтобы она выла и грызла землю, как я! Я убью тебя, наглый скот, погубивший моего мальчика! И приду на твои похороны, чтобы полюбоваться ее слезами!

Юная ведьма подбиралась все ближе, надеясь, что в своем безумии Моравская ее не заметит. Увы. На стоянку возле общежития въехал автомобиль, и водитель, не разобравшись в ситуации, посигналил. Женщина подпрыгнула от неожиданности и… нажала на курок! Да еще махнула вслед тем черным, что держала в другой руке.

Пистолет выстрелил. Алексей бросился вперед, но упал, словно натолкнулся на невидимую стену. Тина закричала и кричала так, что сорвала голос. А потом кинулась вперед, к мужу, перевернула его на спину, не обращая внимания на визжащую от радости Моравскую, на растерянного водителя, на выскочившую на звук выстрела коменданта.

— «Скорую», — коротко скомандовала Тина,

мысленно считая секунды, — полицию. Эта женщина в розыске. Аптечку!

Мужчина-водитель вынул аптечку, в которой были только бинты, хладопакет и жгут. Тина выхватила бинт, сорвала бумажную упаковку и прижала его к ране как тампон. Вокруг суетились люди — студенты, любопытные, кто-то снимал на телефон, кто-то держал Моравскую, Тина не отвлекалась. Пуля попала Алексею в грудь. Ударилась о ребра, немного сменила траекторию и прошла возле сердца. Теперь все зависело от того, задела ли она крупные сосуды? Насколько повреждена сердечная сумка? Как быстро приедет «скорая»?

Тина отбросила все эти мелочи в сторону. Она прижимала тампон, смотрела на бледное до синевы лицо Алексея и гнала в его сердце свою силу. Помогала ему биться. Прогоняла по сосудам кровь. Не позволяла омертветь тканям вокруг раны, держала его изо всех сил!

Она не слышала, как подъехали машины, как выпрыгнул доктор с криком:

— Носилки! Огнестрел!

Как деловитые мужчины в синей форме перехватили Моравскую…

Очнулась Тина в приемном покое ближайшей

больницы. Она сидела с каменным лицом, прислонясь к плечу бабушки, а дед пытался напоить ее дурным больничным кофе из бумажного стаканчика.

— Все хорошо, Тина, приди в себя! Алексей уже в операционной. Прогноз хороший. Говорят, пуля серебряная и ничего важного не задела! Вытащат, как больной зуб!

Тина дернулась, чуть не опрокинув на себя кофе, и поняла, что лицо страшно стянуто солеными дорожками от слез.

— Ба, салфетки есть? — спросила она сиплым, сорванным голосом.

Ида тут же сунула ей целую пачку.

Тщательно вытирая лицо, молодая ведьма думала. Она ведь хорошо знала анатомию, она видела, куда влетела пуля. Даже если та отклонилась, все равно дел натворила немало. Чудо, что Алексей еще жив!

— Дед, тут часовня есть? — девушка вспомнила, что сейчас практически в каждой больнице есть комнатка с иконами, запахом ладана и удивительной атмосферой.

— На первом этаже. Тебя проводить?

— Проводи!

Они долго стояли перед светлыми ликами,

слушали треск свечей и деликатный шепот свечницы. Потом их нашла Ида:

— Вы где? Доктор вышел! Сказал, все хорошо, сутки понаблюдают в реанимации, потом переведут в палату. Удивился, мол, впервые такое видит, чтобы пуля, как иголка, прошла, ничего не задев!

Тина уткнулась бабушке в плечо и снова расплакалась, только на этот раз это были слезы облегчения.

Еще практически месяц Алексей провел в больнице — серьезное ранение требовало внимания, но все заживало хорошо, так что уже через неделю ему разрешили прогуливаться по коридору. Потом к нему начал ходить реабилитолог — учил дышать без страха, разрабатывать мышцы и осторожно делать упражнения.

А потом его выписали! На улице выдался солнечный денек, и пусть за окном стоял февраль, Алексей очень радовался тому, что едет домой.

Интернатуру ему продлили по состоянию здоровья, тут уж коллеги даже посмеивались, что он сам успел стать учебным пособием.

Моравскую арестовали, психиатрическая экспертиза показала ее нормальность. Отомстив Тине, женщина пришла в себя и получила срок

за предумышленное покушение на убийство. Ее муж развелся с ней и уехал неизвестно куда.

Дед узнал, что круг Темных высказал ему свое недоверие и лишил права на практику. По мнению некоторых, лет двадцать, а то и тридцать о Моравском никто не услышит.

Тина погасла.

Ее силы снова стали небольшими и ровными. Достаточными для диагностики или приготовления зелий, но на такие мощные выплески, как тогда, у крыльца общежития, она больше не была способна.

— Это и хорошо, — утешала ее бабушка. — Быть обычной ведьмой куда легче. Большая сила в чем-то развращает. Вспомни Моравского.

Ведьма передернула плечами и согласилась с бабулей.

Ей не хотелось перекраивать мир — она собиралась учиться дальше, жить рядом с живым и здоровым Алексеем, а после интернатуры подумать о детях. Ее собственный мир пошатнулся, но устоял, и Тина не собиралась шатать его снова.

Конец